

The book cover features a central illustration of a woman with long, vibrant red hair. She is wearing a gold headband with a sun-like emblem and a dark, intricately detailed tunic. She holds a golden, ornate bow across her chest. Her right hand is raised, holding a gold coin. The background is a dark, atmospheric scene with a blue sky, a crescent moon, and silhouettes of figures in a landscape. The overall style is a detailed, painterly illustration.

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**
**АННА
ГУРОВА**

АРАТТА

Книга 6
**ЧЕРНЫЕ
КРЫЛЬЯ**

Мария Васильевна Семёнова
Анна Евгеньевна Гурова
Аратта. Книга 6.
Черные крылья
Серия «Аратта», книга 6
Серия «Миры Марии Семеновой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67970589

Аратта. Книга 6. Черные крылья: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.;

2022

ISBN 978-5-389-21894-9

Аннотация

В вендских лесах, где правят звериные боги, стало слишком много тех, кто куда хуже зверей. Киран, бывший узурпатор трона Аратты, ищет способ вновь обрести власть. Он давно забыл тех, кого погубил здесь в прежние годы. Но они не забыли. Они придут за ним, даже мертвые.

Учая, повелителя ингри, беспокоит лишь одно: богиня-покровительница почему-то отвергла его! Что же делать, как вернуть ее любовь? Учай выбирает опасный путь...

Тем временем слепой гусяр Зарни начинает свою игру. Его песни обладают великой властью над людьми, внушая им любовь

или ненависть. Но для Зарни важнее всего, чтобы ему поверила Кирья. Если девочка сделает то, чего он хочет, судьба Аратты будет предрешена.

Прекрасная женщина с черным волком появилась в земле дринов. Кто она, кого ищет и кому намерена отомстить?

Слишком много зла стало нынче в вендских лесах. Звериные боги недовольны...

Цикл «Аратта» – первый опыт сотрудничества создательницы знаменитого сериала о Волкодаве Марии Семёновой и талантливой петербургской писательницы Анны Гуровой, автора книжных сериалов «Князь тишины», «Лунный воин», «Книга огня», «Дети Змея» и других популярных произведений фэнтезийного жанра.

Содержание

Пролог. Недопетая песня	6
Глава 1. Огонь под ледником	36
Глава 2. Призывание змея	55
Глава 3. Зимовка в Ладье	75
Глава 4. Старые раны	92
Конец ознакомительного фрагмента.	108

**Мария Семёнова,
Анна Гурова
Аратта. Книга 6.
Черные крылья**

© М. В. Семёнова, А. Е. Гурова, 2022

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Ат-
тикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Пролог. Недопетая песня

Он стоял на лесной дороге, усыпанной телами павших. Убитые оружием и зубами, разорванные и порубленные... Вырванное с корнями дерево брошено поперек дороги... Косматые серые волчьи шкуры и клочья черной ткани, втоптаные в грязь...

Что здесь произошло?

Власко перевел дыхание и шагнул вперед. Он шел между мертвецами, переступая через пятна крови. Взгляд бывшего толмача скользил по лицам убитых братьев-волколаков, узнавая их одного за другим, наполняя сердце горем и гневом.

Кто их убил?

Мокрая гниющая листва под ногами глушила шаги. Деревья стеной поднимались по сторонам дороги, склоняя над ней голые ветви, словно черные мертвые руки. Ничто, кроме едва слышного шуршания дождя, не нарушало тишину.

Первым на пути толмача ничком лежал молодой лютвятик из рода Шереха. Он остался в человеческом обличье – видно, погиб одним из первых. На его теле не было заметно ран, только из затылка торчал метательный нож – очень знакомый. «Проклятые накхи, – понял Власко, – братья попали в засаду...»

А вот и змеевы дети, вернее, все, что от них осталось. Не

слишком много... Эти схватились уже с оборотнями и, разумеется, погибли.

«Я знаю эту дорогу, – подумал Власко, чувствуя, будто холодная рука сжимает его нутро. – Тайная тропа к Станимировой заимке...»

Рядом с вырванной из земли сосной толмач увидел огромного худого мертвеца и сразу узнал его, хоть лицо было изуродовано, а голова расколота, как кувшин. Длинные полуседые волосы, мощные плечи... «Сам Шерех! – изумленно понял Власко. – Но кому и как удалось его убить? Он же первым оборачивается в бою...» В руке предводитель волколаков все еще сжимал окровавленный кинжал. Даже его меч остался в ножнах.

Что тут произошло?!

...Власко проснулся и еще долго лежал неподвижно, смотрел невидящими глазами в темноту душной гостевой избы и думал. Вернее, мысли его ходили по кругу, словно боясь свернуть с тропы в трясины.

– Если все это правда – надо возвращаться, – пробормотал он, когда в узком оконце забрезжил белесый осенний рассвет. – Если сон был вещий...

Путевая вежа стояла у единственной наезженной дороги, ведущей из этой части лесного края в дри夫ские земли, в Мравец. Власко еще не нагнал посольство изорян и оттого беспокоился. Он уже несколько дней был в пути, а никаких следов посланников Учая пока не встретил. Власко ви-

нил раненую руку: разболелась, покраснела, распухла, начало бросать в жар, пришлось задержаться... Целительное зелье Векши закончилось, нового взять было негде. Рана мучила, не давала покоя ни днем ни ночью – и вот теперь эти сны...

Вместо того чтобы с рассветом пуститься в путь, Власко просидел все утро в кружале, расспрашивая и слушая. Вскоре оказалось, что как он ни спешил, а слухи по вендским землям разлетались быстрее. Будь Власко, как прежде, одним из ближников Станимира, он бы посетовал на людскую болтливость: подобные новости были, прямо скажем, не к чести князя. Теперь же все, кому не лень, трепали Станимировы сокровенные замыслы по постоянным дворам и кружалам.

Началось все с того, что Станимир торжественно, при всем народе, отослал солнцеликую царевну Аюну изорянскому князю в обмен на дривские земли. И не было никого, кто не восславил бы княжью мудрость. От чужеземной царевны одно беспокойство, раздор и порча – а дривы лютвягам самая близкая родня. Последним дривским князем был родной дед Станимира. Так что нынче, когда истерзанные и ограбленные дривские земли с помощью изорян вырвались из-под власти Аратты, нет ничего разумнее и очевиднее, чем объединить оба больших племени в одно княжество. Как не порадоваться, что молодой правитель изорян Учай попросил в уплату за освобожденный им край всего лишь царевну...

Однако на деле Станимир лишь сделал вид, что отсыла-

ет Аюну. Видно, златовласая красавица похитила его разум! Князь обманул изорян, вместо царевны отдав им какую-то пригожую девку; саму же царевну отправил под охраной в укромное место. Однако Аюна до места не доехала, угодив в засаду накхов. Там сложила головы охрана, а царевна исчезла. И теперь Станимир уехал куда-то на юг: то ли ловить ее, то ли мстить накхам...

Болтали еще о чудище с севера, которое накхи привели с собой. Ходит оно на задних лапах, отводит людям глаза, а зубы у него как мечи. Это страшилище и убило вождя оборотней, великого воина Шереха. Впрочем, в чудище не слишком верили, а тех, кто про него трепал языком, поднимали на смех. Власко тоже недоверчиво хмыкал, но внутри все морозной коркой покрывалось. Он-то отлично знал, о каком чудище речь.

«Зверюга с разными лапами кралась за нами от самого тракта, убивая людей Станимира по одному... Так мы ее и не выследили, и даже не смогли увидеть ни разу... Все правда, сон вещий был: Шерех погиб, и братья с ним! Какая потеря для Станимира! Как опечалит богиню гибель верных... Гибель, которая могла не случиться, если бы...»

После полудня, рискуя заночевать на дороге, Власко выехал в сторону Мравца. Его окружал лес поздней осени, уже скованный первыми заморозками, но пока еще не тронутый снегом. Дорога была пуста, и как ни вглядывался толмач, он не видел широких отпечатков лосиных копыт и следов воз-

ка. Куда же подевались изоряне?

Мысли Власко все время возвращались к страшному сну. Образы мертвых братьев стояли перед глазами, и в сердце нарастало беспокойство, понемногу превращаясь в невыносимую тревогу. И он уже нашел ее источник...

Власко мотнул головой. Нет, не может быть! Это лишь совпадение. Накхи давно ждали случая захватить царевну. Пару раз даже попытались, но ничего не вышло. В третий раз лютвяги напали на них сами – рана на руке Власко осталась памятью о той стычке. Получается, накхи все же выследили воинов Шереха и Аюну... Но как?

«Да, это я сказал Векше, когда, куда и какой дорогой повезут царевну! Я знал, что Векша никакая не травница, а лазутчица на службе у арьев. Для того и рассказал – чтобы выкрала царевну с заимки и сбежала с ней вместе! Но я не хотел, чтобы змеевы дети вырезали охрану! Неужели ловкая девка была заодно с накхами? Быть того не может! Она же сама нас на них навела!.. Хотя почему нет? Кирану что лютвяги, что накхи, едино...»

– Я хотел расквитаться с князем, – бормотал Власко, не замечая, что говорит вслух, пока его конь шагом плелся по лесной дороге. – Женщина за женщину... а не братьев губить...

На миг ему примерещилось, что дорога, по которой он едет, усеяна мертвыми телами волколаков. Власко вздрогнул, провел ладонью по лицу, прогоняя морок, и поспешно

забормотал:

– Прими их, Мать Медейна, на свои колени, приложи к груди, укрой новой шкурой...

Когда он произнес вслух имя богини, над дорогой будто холодом исподнего мира потянуло.

Власко ехал до темноты. Когда ранний закат догорел и лес погрузился во мрак, в воздухе полетели редкие снежинки. Власко мерз, раненую руку то и дело дергало болью, – похоже, жар возвращался. Дорога была пустынна, но безлюдье нисколько не тревожило бывшего толмача. Он был в своих землях; ему, ближнему человеку князя, тут ничто не угрожало; скорее, он сам был тут опасностью. Встречные и люди на заставах, видя волчьи обереги, замолкали, низко кланялись и старались угодить всем, чем могли. Никто не хотел гнева зимней богини, имя которой даже вслух старались лишний раз не произносить, чтобы невзначай не накликать...

Увидев в стороне от дороги чье-то подворье, Власко обрадовался – в предзимнем лесу ему ночевать совершенно не хотелось. Однако, едва въехав в ворота и спешившись, он замер на месте – посреди двора красовался нарядный возок! Очень знакомый! Вот только... где изоряне? Где ездовые лошади? А главное – где ряженая царевна?

– А тебе, проезжий человек, какое дело до чужого добра... – ошетинился было хозяин подворья в ответ на нетерпеливые расспросы чужака.

Однако, разглядев Власко, изменился в лице, согнул спину и принялся оправдываться, будто его в чем-то обвиняли:

– Чужаки бросили возок у обочины, мы нашли и притащили к себе. Мы понимаем, господин, – возок-то княжеский, так пусть у нас пока постоит, мы за ним приглядим... Сами отвезем, куда скажут... Ну а если не нужен, так...

– Почему же его бросили? – пробормотал Власко, едва слушая его.

«Что с Суви?» – обожгла мысль.

Итак, посольство Учая тут проезжало намного раньше его. Известны ли изорянам новости о засаде? Перед Власко как живое встало худое лицо Мараса, его рыбы глаза. Если до главы посольства тоже дошли слухи, что настоящая царица похищена накхами, в этой подмене нет больше смысла. И скорее всего, Суви просто убьют – для послов она бесполезная обуза...

– Так в лес ушли, господин, – не замечая смятения гостя, отвечал хозяин подворья. – Свернули тропкой к Струге, к своему перевозу. Впрочем, ты их быстро догонишь. Сейчас к ночи подмораживает, ехать хорошо, сухо. Вот санный путь пока не встал, но ждем снега со дня на день. Говорят, у дринов уже всюю снегопады...

Власко незаметно перевел дух. Похоже, Марас пока не знает о побеге царицы. Он верит, что Суви еще что-то значит. Нельзя терять время!

Этот вечер выдался не таким холодным, как накануне, но к ночи жухлая трава покрылась белой изморозью. Впрочем, у костра было тепло и сухо и пахло ухой – изоряне, перебираясь через лесной ручей, несколькими ударами копий добыли пару толстых рыбин. Выбрав место ночлега, послы распрягли лосей и выпустили их пастись, нарубили еловых лап, на диво быстро сложили несколько шалашей.

«Послы... Пристало ли называть диких лесных людей таким высоким словом?» – думала Суви. Уж на что дикими и страшными ей поначалу казались лютвяги, но эти – совсем родня зверям. Даже доспехи у них не железные, а собраны из нашитых на кожу костяных плашек. Да и говорят изоряне не по-людски. Порой ей казалось, что она их понимает – их язык немного напоминал говор простолюдинов Аратты, – но потом знакомые слова терялись в потоке дикарского лопотания.

Суви вздохнула и завернулась в суконный плащ, искоса поглядывая на изорян. Лесовики, готовя ночлег, разговаривали и перешучивались, вовсе не обращая на поддельную царевну внимания. Напротив, через костер сидел Марас, по обыкновению устремив застывший взор в пламя. При взгляде на него у девушки мурашки побежали по коже. Молчаливого вожака изорян она начала бояться еще в первый день,

и чем дальше, тем сильнее. Порой она уже вообще сомневалась, живой ли он человек. Иногда Суви наблюдала за тем, как он сидел, закрыв глаза, положив руку на грудь, и слушал... А то бормотал под нос, словно кому-то отвечая. В эти мгновения Мараса как бы осеняла тень огромного черного крыла, и губы девушки сами начинали шептать молитву Исвархе, отгоняя зло.

Где же Власко? Сколько еще ей томиться у северных дикарей? А может, что-то случилось и любимый вовсе за ней не придет? Суви погнала прочь слишком страшную мысль. С тех пор как свадебный поезд царевны Аюны захватили на южном тракте, ей казалось, что она угодила в жуткий сон. Но ведь рано или поздно он закончится? Господь Исварха явил милость – послал ей Власко, защитника в чужой земле, где служанка царевны была лишь дешевой добычей. Суви вспомнила, как попала в плен к накхам, и содрогнулась – там ее жизнь в самом деле висела на волоске... Где же милый, почему на выручку не спешит? В укладке, которую ей позволили взять из возка, на самом дне таился заветный мешочек, который дала ей с собой травница Векша. «Подсыпь в пищу, и все, кто отведает, уснут крепким сном...» Суви покосилась на котелок с булькающей ухой. Подсыпать-то не шутка – а дальше что? Изоряне потому и не следят за ней особо – понимают, что никуда она одна не убежит...

Что-то свистнуло, быстрая тень промелькнула в пламени костра. Беловолосый парень, сидевший рядом с Марасом,

как раз потянулся, чтобы проверить, готова ли уха, – и тут же безмолвно упал наземь. В его шее торчала стрела.

Все вскочили на ноги, похватали плетеные щиты, кинулись к лесу, прочь из круга света.

– Откуда стреляли?!

– Вон оттуда!

– Ты и ты – быстро вон туда, – приказал Марас, пристально вглядываясь во мрак.

Двое ингри, прикрывшись щитами, бегом устремились в чащу. Однако едва они успели исчезнуть среди елей, как из темноты донесся звук тяжелого удара, крики и стоны.

Поспешившие им на помощь обнаружили двоих сородичей, корчащихся на земле. Ингри угодили в ловушку – незамысловатую, но действенную, они и сами знали в таких толк. Стрелявший из темноты загодя согнул молодое дерево и установил распорку, чтобы ингри непременно сшибли ее, кинувшись за ним в погоню. Дерево, распрямившись, хлестнуло их так, что вышибло дух, а одного еще и покалечило нарочно срезанными и заостренными сучками.

– Э, да он, похоже, один, – прошипел Марас. – Чтоб его болотник сожрал!

– Почему так считаешь?

– Был бы не один – нас бы уже со всех сторон расстреляли. Мы у костра были как на ладони. Возвращаемся...

– А если он опять начнет стрелять из темноты?

– Тогда ему придется обходить костер очень далеко! Слу-

шайте хорошенько и поглядывайте на лосей – они почуют его раньше, чем мы услышим. А я кое-что сделаю...

Марас пропустил всех вперед себя, а сам задержался на границе светового круга. Ингри с опаской глядели, как он поднимает руку к груди и воздевает над головой черный оберег, висящий на ремешке. Подобный оберег носил только сам владыка Учай. Хоть повелитель Ингри-маа и называл себя сыном громовика Шкая, ни для кого не были тайной его особые отношения с богиней, имя которой он избегал называть даже во время жертвоприношений. Вот и этот оберег был совсем не Шкаю посвящен... Марас что-то шептал, и казалось, что черное пятно в его руке разрастается, обволакивая поляну вместе с костром. Огонь забился, потускнел и припал к земле; стало темнее, будто туча накрыла луну.

– Пусть теперь попробует вернуться, – злорадно произнес Марас.

Словно в ответ ему, из леса понесся переливчатый волчий вой.

– Это что еще? – зашептали лесовики. – Оборотень! В земле лютвягов их полно! Отец Хирва, защити нас!

Лишь Суви радостно встрепенулась, но тут же снова опустила голову, пряча глаза и надеясь, что невольного движения никто не заметил.

– Издевается, – буркнул Марас. – Что ж, и мы наготове...

Власко, посмеиваясь про себя, снимал тетиву с лука. Один убитый, трое раненых – славно! Можно и отдохнуть. Времени достаточно, чтобы выспаться. А его противники будут всю ночь настороже, вздрагивая от каждого шороха, пока их не сморит сон. Вот тогда, перед самым рассветом, он навестит их снова...

Да, их шестеро, а он один. Но как раз это Власко беспокоило меньше всего. Пятеро изорян – обычные лесные охотники, воины по случаю. Только главарь, Марас, вызывал у толмача подспудное беспокойство. Почему не удалось попасть в него, стреляя почти в упор? Конечно, пляшущее пламя костра могло сбить прицел, да и белобрысый юнец наклонился за ухой и закрыл жожака именно в тот миг, когда Власко спустил тетиву... Конечно, бывают всякие совпадения, однако...

Покружив около поляны и выпустив для остратки еще пару стрел, Власко ушел на заранее примеченное для ночевки место. Это был невысокий холм, увенчанный большим, вросшим в землю камнем. Плоский валун вздымался над покатою вершиной – словно древнее чудище из-под земли начало лезть, да передумало и вновь заснуло на века. Даже в лучах заходящего солнца толмач отметил необычный синеватый оттенок валуна. На замшелой, покрытой мокрыми ли-

ствиями спине камня отчетливо виднелась выемка, наполненная дождевой водой.

С высоты холма было видно, как за деревьями поблескивает в лунном свете широкая река. Власко прежде в этих краях не бывал, но благодаря расспросам на последнем подворье вполне представлял, где он. Река Струга текла с севера, как почти все реки в землях дринов, понемногу сворачивая на закат. По этой реке испокон веков проходила граница, разделяющая земли вендов и иноязычных племен. Впрочем, между племенами шла торговля, на реке имелись перевозки и броды. К одному из таких бродов и направлялось посольство. Как только Власко узнал об этом, он сразу понял, что времени у него в обрез. Переправившись на другую сторону, изорянские послы окажутся среди своих, и достать их станет сложнее...

Что ж, к утру все будет закончено. Устроившись так, чтобы холм оказался между ним и привалом изорян, Власко убедился, что ветер не от него, разложил маленький костер, устроил себе лежанку из лапника, завернулся в плащ и крепко заснул.

* * *

Толмач проснулся раньше, чем предполагал, от жгучего холода. Высоко над деревьями сияла полная луна, обведенная туманным красноватым свечением. Каждая хвоинка то-

поршилась и льдисто блестела в ее свете. Дыхание облаком пара вырывалось изо рта, лицо и все тело онемело от внезапной ночной стужи. Власко с трудом приподнялся и потянулся к гаснущему костру, чтобы подбросить дров. Угли еще тлели, но сырой валежник, который толмач наспех собрал накануне, не желал разгораться. Вдруг Власко поднял голову, мгновенно собравшись и забыв о пронизывающем морозе. Краем глаза он уловил движение на вершине холма.

Остатки сна мигом слетели с лютвяга. Несколько мгновений Власко, замерев и почти не дыша, вглядывался и вслушивался в ночь. Затем схватил сулицу и крадучись направился туда, где среди черных, покрытых блестящей коркой стволов и ветвей беззвучно двигались тени.

Словно призрак, он бесшумно поднялся на холм, не хрустнув ни единой веткой. Признаков чужого присутствия Власко больше не замечал, но это лишь заставило его удвоить бдительность. Когда же достиг вершины, то остановился в замешательстве. Здесь все было совсем не так, как при свете солнца! Власко – волколак – хорошо видел в темноте. Где синеватый камень, усыпанный гниющей листвой? На вершину холма вели широкие ступени. Они напоминали крыльцо, только не к дому, а к домовине. На срезанной вершине был сложен погребальный костер. Лицо Власко застыло – он увидел на краде собратьев по Станимировой дружине, тех самых, что сложили головы в битве с накхами.

«Почему они здесь? – испуганными белками запрыгали

суматошные мысли. – Почему их сжигают, будто простолюдинов? Почему дрова не политы кровью врагов? Кто проводил братьев к Медейне? Неужто Станимир так и не отомстил?»

Власко помотал головой. Должно быть, он все еще спит. И в этот миг...

Огромная фигура поднялась над крадой, устремив на него взгляд рдеющих во тьме глаз. Женщина в черном плаще, с волчьей головой, вдвое выше его пристально глядела на толмача. Власко так и сжался под ее взглядом.

«Ты виновен, – сказали огненные глаза. – Мои верные погибли впустую».

Толмачом овладел смертный ужас. Охватило постыдное желание бежать, не разбирая дороги... Власко знал: это бесполезно. Он кинулся к Богине и упал на колени.

– Прости меня, о Мать Медейна! Каюсь, я виноват, я предал братьев, я предал своего князя! – сдавленным голосом зашептал он, протягивая к ней руки. – Но я не хотел, это вышло случайно... Братья ведь и раньше убивали друг друга – ты не вмешивалась...

Женщина с волчьей головой – или же волчица с женским телом, – не отвечая, опустила взгляд на погребальный костер, воздела руки и испустила раскатистое рычание. Пальцы ее заканчивались хищными кривыми когтями, острые клыки блестели в свете луны. Власко, похолодев, увидел, как зашевелились мертвые тела, как поползли в разные стороны, из-

виваясь, меняясь с каждым мгновением. Тьма наполнилась стонами, переходящими в звериное ворчание и заунывный вой.

Цепenea от ужаса, Власко видел, как волки – оборотившиеся мертвецы – разбредаются по холму, как рыщут вокруг, нюхая воздух и землю.

«Они мертвы, мертвы! – мысленно повторял толмач, словно убеждая сам себя. – Им меня не найти!»

Но все лишь начиналось. Подняв убитых, Богиня снова повернулась к предателю. Приблизилась и наклонилась, нависая огромной тенью. Всем существом Власко ощутил – настал его последний час.

– Как мне искупить вину?! – взвизгнул он, едва владея собой. – Я твой духом и телом! Повелевай – я сделаю все, что угодно!

Косматая волчья голова оказалась прямо над ним. Из пасти пахло смрадом падали. Когтистая лапа сжала его запястье, обжигая то ли холодом, то ли огнем. Власко едва не потерял сознание, в глазах помутилось, а когда пришел в себя, Богиня уже отпустила его руку. Из нескольких ран в тех местах, где когти пронзили кожу, сочилась кровь. И чем больше капель падало в сырые листья, тем оживленнее и беспоконнее становились волки. Они замирали, принюхиваясь, тихое рычание вырывалось из пастей, шерсть на загривках становилась дыбом...

Богиня отдала его мертвецам. Выдала с головой.

И тут раздался голос Богини. Оскаленная пасть Медейны смотрела прямо на толмача, а в его голове сами рождались слова:

«Накорми братьев, напои кровью!»

– Напои кровью? – бездумно повторил за ней Власко.

Единственное, чего ему хотелось, – потерять сознание, чтобы этот ужас наконец прекратился.

Волчья богиня то ли оскалилась еще шире, то ли улыбнулась, поглядела ему за спину и вдруг оказалась по другую сторону погребального костра. Свечение рдеющих глаз медленно погасло. Огромная фигура начала погружаться в ночную тень. Призрачные волки оставили поиски живой крови и устремились вслед за ней. Красный ореол вокруг луны потускнел, по небу, затягивая светило, поползли облака.

Один Власко даже не заметил, что Богиня уходит. Он так и стоял на коленях, пытаясь совладать с вихрем мыслей.

Напоить братьев кровью? Чьей? Если бы Богиня хотела его крови, так уже взяла бы ее. Кровью накхов? Но те, кто устроил засаду, почти все там и полегли... Кровью северного оборотня? Да где ж его искать... Подлая Векша?

Вдруг кто-то легко тронул его за руку. Власко аж подпрыгнул, затем резко обернулся.

За его плечом стояла Суви – любимая, теплая, с пушистой косой, которая так ему нравилась. Коса была почти как у царевны, только не золотая – знак дочери бога, – а медовая. Эта коса послужила причиной всего: и ее горькой участи, и,

скорее всего, их скорой гибели.

– Милый, я боюсь, здесь так темно...

Власко хотел обнять ее, но руки его не послушались.

* * *

Когда толмач проснулся, а вернее, очнулся у костра, он долго не мог понять, на каком он свете. Он насквозь промок от пота, хотя костер действительно почти погас и ночь была морозной. Наконец он немного успокоился, сел и принялся подбрасывать ветки в огонь. На востоке уже начинало едва заметно светлеть. Пора было вставать и идти к поляне – заканчивать охоту. Но Власко медлил, охваченный страхом и отчаянием.

Приказ Богини прозвучал яснее некуда. Он молил ее позволить ему искупить вину. И она указала способ. Ее выбор вовсе не удивил Власко, наоборот, сейчас он казался самым очевидным. И вполне в духе беспощадной Медейны. Если он отдаст Суви – будет прощен.

«Это всего лишь сон, наваждение», – попытался убедить себя толмач.

Власко хотел воскресить в памяти образ Суви, ее облик и голос, и вдруг ощутил, что не так уж и любит ее. Власко гнал прочь недостойные мысли, но они вползали в его сердце, словно черви в трухлявый пень. Нет, конечно, он не станет приносить в жертву свою любимую! Да, ради нее он от-

рекса от родни, предал князя, ради нее он, по сути, потерял все... Власко почти въявь представилось, как стая гонится за ним по пятам под луной, окружает, настигает... «А стоила ли того девка?» – шепнул голос глубоко внутри. Власко аж передернуло от отвращения. В любом случае Суви ни в чем не виновата. Но если бы знать заранее, как далеко все зайдет...

«Тогда оставь девчонку в покое – у изорян она в большей безопасности, чем с тобой! – нашептывал внутренний голос. – А сам беги как можно дальше, в чужие земли, спасайся, ищи новых покровителей, кланяйся иным богам – более сильным, чем Медейна...»

Власко скрипнул зубами, встал, поднял сулицу и направился в сторону поляны.

* * *

Предрассветная тьма окутывала поляну. Костер едва тлел. Марас сидел перед ним, изредка подкидывая сухие ветки, и тогда над углями снова начинали ненадолго плясать язычки пламени. Все прочие изоряне спали. Даже те, чья очередь была сторожить, клевали носом, не в силах преодолеть тяжелую дрему. Окрики, а затем и тычки главаря не оказывали на сонных парней никакого воздействия. Это казалось Марасу странным и тревожным. Да, поляна сейчас опутана чарами – но что, если он здесь не единственный, кто способен их

наводить?

– Почему не спишь? – неожиданно спросил он у Суви.

Бывшая служанка вздрогнула и вскинула голову, искоса взглянув на бледного изорянина. Его глубоко сидящие глаза были двумя провалами на лице, а третьим черным провалом глядел оберег на груди.

Марас оглядел поляну, бросил гневный взгляд на совсем заснувших сторожей, пнул ближайшего, но тот только что-то невнятно промычал. Суви съежилась. После того как Марас не заснул с остальными, она стала бояться его еще больше. Почему он не спит, как ему это удалось?

Тем временем Марас закрыл глаза, снова взял в руки свой амулет, начал втягивать студеной ночной воздух.

– Мать Зверей, – произнес он вдруг, поднимая голову и оглядывая лес. – Мать Зверей здесь!

Суви бросила на Мараса изумленный взгляд.

– Я чувствую присутствие великой богини, – продолжал Марас, говоря то ли с девушкой, то ли сам с собой. – Этот, который стрелял, – оборотень, правда?

Суви промолчала.

– Ты должна знать! – с ноткой угрозы произнес изорянин.

– Я лишь служанка царевны...

– Служанка... – Марас поймал ее взгляд. – Станимир послал за нами в погоню своих оборотней? Неужели всего одного? Где другие? Ждут в засаде? Князь лютвягов коварен, но сына Шкая ему не обмануть!

– Я плохо понимаю твою речь! – жалобно отозвалась Суви. – Мне велели занять место царевны. Я повиновалась...

– Почему они спят? – резко спросил Марас. – Кто-то зачаровал их? Ты...

У Суви вся кровь отхлынула от лица. Она приподнялась, словно собираясь кинуться в лес.

– Ты хорошо поешь. Пой.

– Петь? – пролепетала Суви. – Что... петь?

– Пой для Матери Зверей!

– Но... Наш бог – Исварха, Господь Солнце...

– Солнце, – кивнул Марас. – Солнце – хозяин неба. А хозяйка?

«Никакой хозяйки неба нет, это ересь!» – вспомнила Суви одно из заученных начал веры, но прикусила язык. Немного помедлила, вспоминая хоть что-то подходящее, и запела:

– Заря моя, заря вечерняя!

Игра моя, игра веселая!

Вы во саду играйте, девушки,

Играйте во саду у матушки...

Незатейливая песенка полилась над поляной. Суви пела, надеясь, что Марас не настолько хорошо знает язык Аратты, чтобы понять смысл.

– Ступай домой, позовет матушка,

Да я не гляну в ее сторону.

Игра моя ведь не доиграна,
Ведь не допета моя песенка...

Но кажется, главе посольства песня понравилась. Он слушал внимательно, а когда Суви умолкла, склонил голову, будто присоединяясь к молитве.

– Тебя слушал лес, – глухо проговорил он. – Не только я. Кто-то еще. Может быть, Матерь Зверей...

«Надеюсь, что не только ты! – подумала Суви. – Где же Власко?!»

После того как изоряне отбили нападение, ее возлюбленный куда-то исчез. Не сдался же он? Здесь их пятеро – он один... Какая чепуха! Он не бросит ее, он придет...

Словно в ответ на ее мысли, от черных деревьев отделилась тень и через пару шагов превратилась в лютвяжского воина. Это был Власко. Казалось, он плывет в воздухе, словно клочок тумана. В руке наготове – поднятая сулица. Он остановился на опушке, озираясь и совершенно не пытаясь укрыться. Марас заметил его первым. Он было схватился за рукоять ножа, но через миг Суви с ужасом увидела, как по лицу изорянина расплывается широкая довольная улыбка.

– Он не видит нас, – подмигнул он Суви. – И не слышит. Мать укрыла нас своим крылом...

Увидев ее изменившееся лицо, сурово шикнул:

– Молчать, не мешать! Я все сделаю сам...

Марас встал и вытащил нож, не сводя взгляда с врага.

Власко все еще стоял, оглядываясь по сторонам. Морок, наведенный на поляну, сбивал его с толку; он знал, что находится там, где надо, но видел только пустую прогалину и пытался понять, где заблудился. Изорянский чародей шагнул ему навстречу, занося нож для смертельного удара... И зарорал от резкой боли – Суви изо всех сил толкнула котелок с ухой, горячая гуща хлынула Марасу на ноги. Власко вскинул сулицу.

– Я здесь! – пронзительно закричала Суви.

Марас, покачнувшись, ринулся на противника. Но чары уже разрушились; Власко увидел его, поляну, спящих изорян, девушку у костра... И нанес мгновенный удар. Марас захрипел, оседая на землю. Сулица пронзила ему горло. Власко выдернул копье и перевел дух. Суви бросилась к нему, но он ее оттолкнул.

– Где остальные?

– Вон они – спят! – выкрикнула она. – И будут спать долго – я опоила их сонным зельем!

Кивнув, Власко подошел к спящим и одного за другим заколол их.

Суви молча таращила глаза.

– Во имя Твое, Матерь Медейна, – мрачно сказал Власко. – Прими эту кровь, Зимняя Госпожа!

Завершив дело, он воткнул в землю сулицу и сел у огня на то место, где прежде сидел Марас. Суви хотела кинуться ему в объятия, но не смела.

«Я свободна! – подумала она. – Наконец-то мы с Власко вместе! Теперь все будет хорошо...»

Но почему-то она не чувствовала радости – скорее страх. Возможно, потому, что Власко сам не радовался. Он смотрел на нее почти так же холодно и отстраненно, как и на убитых им изорян.

– Надо решить, что делать дальше, – сказал он, помолчав. – Куда идти.

– Конечно домой, в столицу!

– Это твой дом, – напомнил Власко. – А я лютвяг, у нас с арьями война.

Суви смешалась. Вспомнила царевну Аюну, оставшуюся у Станимира, и устыдилась, поняв, что все эти дни думала только о себе и возлюбленном. Конечно, князь царевну не обижает, но почетный плен все равно остается пленом, а долг служанки – быть с госпожой до конца... Выходит, надо вернуться? Но Власко сразу убьют...

Девушка молчала, не зная, что сказать. Молчал и Власко. Мир, прежде казавшийся ему беспредельно огромным, оказался не так уж и велик для предателя. В родных землях он приговорен, и к дривам ему нельзя, а путь в земли изорян он только что закрыл себе сам. В самом деле уйти в Аратту? На службу к Кирану? Власко горько усмехнулся...

– Надо найти молодого государя Аюра! – выпалила вдруг Суви, чьи мысли блуждали сходными путями. – Найти истинного государя и попросить его взять нас под свою руку.

Мы расскажем ему о сестре-царевне, мы много знаем о Станимире...

– Если жив твой молодой государь, – буркнул толмач. – Никто даже не знает, где он.

– Господь Исварха направит нас!

Суви ласково положила руку на плечо любимому, но он раздраженно скинул ее ладонь:

– Исварха? Исварха здесь не властен! Там, – Власко указал на высокое черное небо в ледяных гвоздях звезд, – Морана ткет ледяной саван, чтобы накрыть весь мир до солнцеворота. Когтистый Старец удалился под землю, в царство мертвых – да, он охотно нас примет! А здесь, в лесах, пришло волчье время...

«Время Медейны», – мысленно закончил он. Но вслух имя богини произнести не осмелился.

«Теперь тут правит она... И остался еще один выход...»

Власко поднял взгляд на Суви и смотрел до того долго, что ее начала бить дрожь.

– Милый, что ты так смотришь на меня?

– Ничего, – ответил он.

Суви стало так страшно, как не было даже рядом с Марасом. Она чувствовала: происходит нечто скверное, но не могла понять что.

– Надо поторопиться, – сказал наконец Власко, переведя взгляд на чуть светлеющее на востоке небо. – Пора перебираться через реку. Пошли искать перевоз.

– Сейчас? Еще так темно...

– Прямо сейчас. Может, успеем. Там владения чужих богов, туда не достигает власть...

Зрачки Суви вдруг расширились. Она смотрела за спину Власко, не в силах даже крикнуть от ужаса.

Толмач резко повернулся и прямо перед собой увидел огромного седого волка.

Зверь стоял в десятке шагов, пристально глядя на Власко. В ярко-желтых глазах не было ни гнева, ни нетерпения. Он уже нашел того, кого искал.

Суви думала, что Власко схватит сулицу и метнет ее в хищника. Но толмач лишь встал и оскалился по-звериному. Из его рта вырвалось рычание...

«Шерех?! Ты мертв! Тебе раскроили череп, твое тело сгорело на краде! Ты лишь призрак. Ты ничего мне не сделаешь!»

Верхняя губа волколака приподнялась, пасть приоткрылась. Можно было бы подумать, что оборотень смеется, если бы не огромные клыки, говорившие совсем о другом.

«Медейна своей милостью даровала мне новую шкуру, – услышал Власко очень знакомый хриплый голос. – В благодарность я накормлю ее плотью врагов досыта...»

«И сколько же ты должен убить?»

«Я буду убивать арьев и их приспешников, пока Мать не прикажет остановиться. Ты – первый».

«Первым будешь ты сам!» – прорычал Власко.

Шерех, не отвечая, наклонил голову к земле и, не сводя с противника взгляда, начал медленно подкрадываться к нему.

Будь на месте Власко обычный человек, Шерех не тратил бы времени – просто прыгнул бы, сшиб и в одно движение перегрыз горло. С бывшим собратом-волколаком все было иначе.

«Он меня опасается! – взбодрился толмач. – Знает, на что я способен! А я много раз видел, как сражается он, и знаю его уловки...»

Плечи Власко поникли, он сгорбился, согнул колени, словно собираясь опуститься на четвереньки. Он заранее знал, как волчий дух станет менять его тело. Вот-вот накатит ощущение ломающей все существо боли – и в то же время опьяняющее чувство всемогущества, которое охватывало его всякий раз, как он перекидывался...

...но огненная волна прокатилась и растаяла бесследно, оставив лишь тупое недоумение. Власко обнаружил, что по-прежнему стоит согнувшись. Не волк. Человек.

«Что случилось? – заметались мысли. – Почему не смог? Ну конечно... Конечно. Медейна отвернулась от меня!»

Сила, которую он считал своей, была лишь дана ему в долг – и теперь Медейна забрала ее обратно.

Власко пошатнулся. Ему броситься бы к костру, подхватить сулицу, но он так и стоял с пустыми руками, все еще не веря, что дар оборотничества покинул его. Вот, значит,

как чувствует себя преданный? Беспомощность, ярость, отчаяние, ненависть; мир уходит из-под ног, рушится – и ты вместе с ним...

Толмач даже не попытался закрыться, когда Шерех сделал выпад. словно лесной дух, оборотень метнулся к его ноге, распахнулись и сомкнулись челюсти, вырывая из бедра кусок мяса. Хлынула кровь. Шерех мгновенно отскочил назад. Власко завыл; ноги его подкосились, и он упал на колени.

За спиной раздался крик Суви. Девушка, оцепеневшая было при виде оборотня, пришла в себя и кинулась на помощь любимому.

– Прочь, – сквозь зубы прошипел Власко. – Беги...

Он смотрел, как Шерех в стороне жадно глотает кусок его плоти, как желтые глаза оборотня наливаются кровью, и понимал, что не отобьется. Собравшись с силами, он все же подобрал сулицу и с трудом поднялся на одно колено. Власко понимал: времени у него мало. Кровь хлестала из бедра, и с ней его покидали силы. Еще немного – и...

Шерех снова подбирался – медленно, делая короткие ложные выпады то в одну, то в другую сторону. Власко, у которого от боли и слабости мутилось в голове, не успел угадать направление очередного броска. Разверстая пасть возникла справа, словно из воздуха. Власко успел ударить, но лезвие скользнуло по густой шерсти, даже не добравшись до кожи. «Конец», – подумал он, когда острые клыки впились в его плоть.

Однако Шерех не торопился. Рванув зубами бок врага, он снова отскочил, глядя, как Власко пытается подняться на колени, зажимая рану. В глазах у толмача меркло, вокруг плавали серые тени, в ушах стоял звон. Ничто не помешало бы волколаку добить его – но вместо этого Шерех поднял морду к небу и завыл. Тоскливый зов полетел над ночным лесом. И вот понеслись ответные кличи: один, другой, третий...

«Сейчас они придут. Плоть твоя достанется братьям, а дух да будет жертвой Медейне!»

Это было последнее, что услышал Власко, прежде чем упал наземь. Шерех обошел потерявшего сознание предателя и направился к Суви.

Девушка так и стояла в нескольких шагах от места битвы. Ноги не повиновались ей. Оборотень приближался, словно сама смерть.

– Не надо, – прошептала она одними губами. – Я ни в чем не виновата...

Волколак остановился. Девушка не поняла, откуда раздался голос – то ли заговорил страшный зверь, то ли речь зазвучала у нее в ушах. Суви уже слышала этот голос раньше и непременно узнала бы его, не будь она так напугана.

«Ты хорошо поешь, служанка. Спой мне песенку».

– Ч-что?

«Ту, которую ты пела изорянам. Во славу Матери. Я слушал из кустов. Мне понравилось, хочу послушать еще».

Надежда шевельнулась в сердце Суви. С тех пор как они

с царевной очутились в этих проклятых лесах, она уже много раз попадала к людям, что были хуже зверей, и всякий раз чудом оставалась невредима. Даже находила защитников. Исварха в самом деле хранил ее. Она сумеет порадовать оборотня, и тот ее не тронет...

– Заря моя, заря вечерняя! Игра моя, игра веселая! – дрожащим голосом завела Суви.

Седой зверь сидел и слушал, склонив голову набок.

– Игра моя не доиграна, песня моя не допета...

Суви замолчала и поклонилась оборотню, стискивая перед собой дрожащие руки.

«Умница, – раздался довольный хриплый голос. – *Красиво петь – радовать Богиню*».

Суви перевела дух, и в этот миг Шерех прыгнул.

Глава 1. Огонь под ледником

Жители лесного края, называемого Ингри-маа – Прекрасная земля, – не слишком-то любят соседствующие с ними горы, прозванные Холодной Спиной. Казалось бы, всякий ингри должен с детства привыкнуть к виду плоскогорий, что вздымаются над лесами там, где восходит солнце. Однако спроси кого угодно, и тебе ответят – добрым людям на Холодной Спине делать нечего. Это родина страшных древних зверей и диких мохначей, которые с этими зверями в прямом родстве. Там все еще правят чуждые боги. И духи, которым тысячи лет назад следовало бы уйти из этого мира.

Издалека Холодная Спина выглядит как исполинский спящий медведь, летом покрытый короткой рыжей шерстью, зимой – косматый, призрачно-белый. Порой и не поймешь, то ли это облака громоздятся на востоке, то ли снежные вершины. Однако, когда путник приближается к предгорьям Холодной Спины, его все сильнее охватывает чувство какой-то странной робости. То самое, всем знакомое чувство, когда приходишь в святилище, приносишь жертвы и вдруг ощущаешь присутствие богов.

– Вот так и поймешь, почему все беды приходят с полночи, – буркнул Мазайка, окидывая взглядом заснеженные громады.

Двое подростков стояли на берегу озера, в которое из

трещины в скале с шумом и плеском изливался водопад. Задрав головы, они смотрели на стену из камня и льда, уходящую в небеса.

Их окружали серые валуны – каждый с избу величиной, – лежащие там и сям среди рыжей травы. Выше вздымалась изрезанная трещинами, распаханная оползнями круча. Поломаные горные сосны из последних сил цеплялись корнями за скалы. Под обрывами громоздились завалы снега и огромные глыбы льда, грязно-коричневого на поверхности и ярко-голубого на сломе.

– Смотри, Кирья. – Мазайка указал туда, где из рассекающей стену трещины вырывался искристый шумный водопад. – Если это исток Вержи, тогда понятно, откуда весь этот лед ниже по течению...

– Вержа тут ни при чем, – мрачновато отозвалась Кирья. – Разве не видишь? Тут случился обвал. Смотри, целый склон съехал и запрудил реку. Вон какое озеро натекло.

– И впрямь, – задумчиво кивнул Мазайка, глядя, как воды реки пробивают себе путь среди синеватых глыб. – Надо же, сколько тут льда! Я думаю, если бы растаял весь лед, покрывающий Холодную Спину, как знать – может, и гор бы не осталось!

– Хвала богам, этого никогда не случится, – хмыкнула его подруга. – Иначе все земли ингри попросту смыло бы в Закатное море...

Несколько мгновений они вглядывались в дикое нагро-

мождение серых и голубых обломков вперемешку с поломанным лесом у подножия гор.

– А помнишь, арьяльцы рассказывали? – заговорил Мазайка. – Как они шли по охотничьей тропе через земли мохначей, а земля у них под ногами тряслась и трескалась...

Кирья кивнула:

– Помню. Рыжая мохначка еще говорила, что это под землей ползали огромные черви-землегрызы...

Мазайку передернуло.

– Хвала богам, что наш змей – не один из них, – тихо сказал он, невольно оглянувшись. – Этот хотя бы холода боится...

Дети переглянулись, вспоминая ночь на Лосиных Рогах – одинокой скале, на вершине которой высился Дом Ветра. Как они жгли ночью костер в развалинах храма Вармы, уничтоженного неведомой чудовищной силой. А огромный змей, посланный за ними ведьмой Калмой, сторожил внизу. Тогда казалось, что друзей загнали в ловушку и никакого выхода нет.

Кирья могла бы рассказать и еще кое-что насчет той ночи, но оставила при себе. Пока Мазайка спал, ей явилась ее бывшая наставница, Высокая Локша. Предлагала отдать друга змею в жертву – а самой спастись...

«Если мы спасемся, так вместе, – ответила ей Кирья. – Лети прочь...»

Ответом ей был лишь ядовитый смех. Обе добродеи, ста-

рая и молодая, знали, что это пустые слова. Кирье не по силам изгнать змея из-за Кромки, а Мазайке не улететь по воздуху. Они заперты на скале – ни еды, ни воды, и помощи ждать не от кого...

Однако, видно, Варма не отвел взгляда от детей, нашедших приют в его доме. Заполночь, когда уже погас костер, повеял холодный ветер с востока. Небо начало затягивать тучами, и вскоре в воздухе закружились снежинки.

Снег валил все гуще, а потом по черной ночной Верже поплыли глыбы льда. Белые льдины становились все крупнее, они громоздились, наползая одна на другую, выпихивая друг друга не берег. Кирья следила за белым потоком, пока ее не сморил сон.

Утро было студеным, словно внезапно настала зима. Весь мир был припорошен тонким снежным покровом, Вержа забита льдом. Змей исчез бесследно.

– Боги нам помогли, Кирья! – радостно заявил тогда Мазайка. – Недаром я просил Господина Ветра и бабушку-Хирву...

Кирья хмыкнула. Она никого не просила о помощи.

– Пока весь этот лед не унесло дальше по реке, надо идти вдоль Вержи к Холодной спине, – сказала она. – Туда зима приходит раньше, чем в Ингри-маа. Это единственная безопасная для нас обоих дорога. Там мы избавимся от змея и подумаем, куда идти дальше...

...И вот теперь они стояли, глядя на изуродованный оползнем склон, и думали.

– Где-то здесь должна начинаться охотничья тропа, – наконец сказал Мазайка. – Арьяльцы рассказывали, как входили в наши земли вдоль Вержи.

– И что нам с того?

– Как что? Мы пересечем Холодную Спину и окажемся в Бьярме. Ты же помнишь – оттуда родом и мой дед, и Калма, и ее отец, волшебник Замара! Найдем его, попросим спасти деда...

– Так он и согласится, – хмыкнула Кирья. – Это огромный путь, Мазайка! Даже арьяльцы смогли пройти его только с помощью мохначей! Да и как мы найдем волшебника в бескрайней Бьярме?

– Арьяльцы прошли – и мы пройдем, – упрямылся Мазайка. – Охотники рассказывали, дорога совсем не тяжелая...

– Если едешь на мамонте – да!

Кирья решительно помотала головой:

– Нет, Мазайка, не можем мы сейчас идти через Холодную Спину! Мы не дойдем, заблудимся, замерзнем по пути... Понимаю, ты хочешь спасти деда – но мы не можем. Однако я знаю, кто может.

– Кто?

Кирья чуть покраснела.

– Локша не раз упоминала о нем, – буркнула она. – И проклятая Калма отзывалась о нем со страхом и почтением. Мой

отец. Настоящий – не Толмай.

– Отец? – изумился Мазайка. – Какой еще отец?

– Помнишь, меня нашли в корзинке на болоте? Тот, кто меня туда положил, и был моим отцом. Так сказала Локша. И еще добавила, что он – могучий чародей. Дескать, он следит за мной, тайно направляет меня... Я вот думаю: а может, и к Локше я неспроста попала? Может, ей было велено приглядывать за мной?

– Отец – чародей, – озадаченно повторил Мазайка. – И где же его искать?

– Я знаю, как разведать.

Кирья прикоснулась к кожаному тулу на поясе, в котором скрывалась костяная дудочка, похищенная во владениях Калмы.

– Я призову дух древнего летучего зверя, – сказала она. – Помнишь, я подчинила его себе? Локша говорила, некогда этот зверь служил моему отцу. Так пусть дух отведет нас к нему! Если я нужна своему отцу – я попрошу его спасти твоего деда.

– Дудка Калмы... – проворчал Мазайка. – Ты уверена, что стоит на ней играть? Помнишь, как ты играла на глиняной «сойке» – и начался паводок? А тут – ведьмина костяная дудка. Из чьей кости ее сделали?

– Она меня слушается, – возразила Кирья.

Мазайка поднял взгляд на небо. Острая кромка ледяной стены чуть розовела, намекая, что день начал угасать, однако

до заката было еще далеко.

– Думаешь, крылатый дух придет сейчас, при свете солнца? – спросил он с сомнением.

– Он должен приходить всегда, когда я его призову!

– А он знает об этом?

Вместо ответа Кирья поднесла к губам дудочку, глубоко вдохнула, закрыла глаза...

«Приди, защитник! Я ищу отца – укажи к нему путь!»

Ее дыхание превратилось в звук – долгую трель, такую звонкую и холодную, словно ее издали сами ледяные горы. Сознание мгновенно слилось с этим звуком; он раздавался одновременно повсюду, в небе и под землей. На миг девочка будто воочию увидела лабиринт пещер, пронизавших Холодную Спину насквозь, подобно причудливым ходам жуков-короедов. Некоторые были заполнены водой, от других веяло мертвенным холодом; одни были озарены волшебным синим свечением, другие затаились в кромешной тьме. И все они звучали, словно одна огромная дудка с тысячью отверстий или одно огромное существо с тысячью слаженных голосов. Кирья замерла, не смея дышать, отдаваясь ощущениям. Если бы она могла приказать сердцу не стучать, чтобы не спугнуть видение, она бы так и сделала.

Небо на миг закрыла быстрая тень.

Пальцы разжались, костяная дудка упала в траву. Уже не сомневаясь, Кирья вскинула руки, распахнула их, словно крылья, и взмыла в небо. Древний дух ринулся к ней,

они встретились в воздухе, соединились – и вот уже единое крылатое существо кругами поднималось над заснеженными плоскогорьями, все выше и выше падая в закатное небо.

Мазайка смотрел на подругу во все глаза. Он видел лишь то, что Кирья, выдув из ведьминской дудки певучую трель, уронила ее, раскинула руки в стороны и застыла с закрытыми глазами, будто окаменев. Внук Вергиза понимал: Кирья духом сейчас где-то бесконечно далеко.

«Лишь бы только с ней не случилось ничего плохого!» – с тревогой думал он.

Да, Кирья умная и очень смелая девочка – но те, кто желает ей зла, старше и неизмеримо сильнее. Да и Локше Мазайка ничуть не доверял. Что еще за «отца» придумала добродеея? Не обман ли это, чтобы вернуть Кирью в кереметь? Ни о каких «великих тайных колдунах» в краю ингри отродясь не слыхали...

«Пусть она вернется из своего полета невредимой! Пусть дух укажет ей верный путь!»

Тянулось время. Закат окрашивал алым острые зубцы, под ледяной стеной залегли мрачные сизые тени. Кирья все стояла, раскинув руки, – ни один человек не смог бы простоять так долго. Мазайка переминался поблизости. От напряженного ожидания парень уже и сам еле держался на ногах, а у Кирьи даже дыхание не участилось. Внезапно девочка вздохнула и упала в рыжую траву так, словно все ее кости вдруг стали мягкими. Мазайка тут же кинулся к ней, пе-

ревернул на спину, уложил поудобнее, накрыл своим козужом. Вскоре ресницы Кирьи шевельнулись. Темно-синие глаза бездумно уставились в небо.

– Ты здесь, Кирья? – прошептал волчий пастушок, пытаюсь поймать ее взгляд. – Где ты была? Что видела?

Взгляд Кирьи скользил по далеким облакам, словно она все еще пыталась разглядеть невидимое.

– Через горы пути нет, – наконец медленно проговорила она. – Я видела такие трещины, что туда вся наша деревня провалится... Видела обрывы в десять раз выше вот этого – а под ними плескались темные воды, и ледяные глыбы размером с дом Вармы плавали там, качаясь на волнах...

Кирья приподнялась на локтях и поглядела Мазайке в лицо.

– Думаю, никто и никогда больше не пойдет к нам из Арьялы через Холодную Спину.

Мазайка молча кивнул, стараясь мысленно смириться с тем, что путь в Бьярму заказан.

– Потом мы летели к югу, – продолжала Кирья. – Там я увидела, что Холодная Спина разделяется на два огромных отрога, подобных раздвоенному языку змеи. Над бесчисленными водопадами висят радуги... Потоки бегут повсюду, разливаются озерами, мертвые деревья торчат из воды...

– Должно быть, ты видела Мокрый лес, – пробормотал Мазайка. – Стало быть, он совсем подмок... А чудовища бы-

ли?

– Я не видела.

– Наверно, зимой они спят. Прекрасно! Пожалуй, там можно пробраться на лодке. Хотя лучше немного подождать – вот-вот начнутся морозы, воды встанут...

– Нет! – оборвала его Кирья. – Нам там делать нечего. Слушай дальше. Я тоже подумала – уж не это ли путь, ведущий к моему настоящему отцу? Ведь именно оттуда принес меня в корзинке Толмай... Однако полет все длился. Мы пересекли холодные топи и мертвый лес и устремились к закатному отрогу Холодной Спины. Его рассекла огромная трещина, над которой поднималось облако горячего пара. Будь я в своем смертном теле, я бы и близко не подошла к этакому страшному месту – но дух вел именно туда. Мы сложили крылья и ринулись прямо в клубящийся туман...

– И что там было?

– Я не знаю, – помедлив, ответила Кирья. – Никогда прежде не видела подобного. Мы спускались все ниже, и все громче становился рев. Шум стоял невыносимый! Наконец мы оказались в пещере – такой большой, что даже стен не видать. Вместо пола в той пещере была вода. Она кипела, как уха в котле!

– Под Холодной Спиной кипит вода? – не веря ушам, повторил Мазайка.

– Да, кипит ключом!

По спине парня пробежали мурашки. Невесть почему, эта

диковинная новость показалась ему жуткой, угрожающей.

– Там, среди клубов пара, – продолжала Кирья, – я увидела огромное черное чудовище. Его острый хребет поднимался над бурлящей водой. Оно выдыхало пламя и истекало огненной кровью. Кровь лилась в воду, мгновенно застывая черной чешуей...

– Храни нас предок Хирва! Оно живое?

– Не знаю – но оно шевелилось, ревелось, плевалось огнем... и поднималось все выше над водой! – Кирья устремила взгляд на расщелину, откуда изливался водопад. – Знаешь, Мазайка, что я думаю? Если пойдем выше по течению Вержи, рано или поздно придем в ту пещеру с кипящей водой, к чудовищу...

– Поэтому твой дух и указал ее? Наш путь лежит туда?

Мазайка с невольным содроганием поглядел в сизый сумрак, уже укутавший водопад и озеро.

– Вот не знаю. Дух вернул меня сюда и покинул... Наверно, счел, что показал достаточно. А я не поняла, что он хотел сказать...

Она умолкла, ощутив вдруг нечто не поддающееся определению. Низкий звук, пришедший из-под земли, отозвался прямо в сердцевине костей. А через миг Мазайка вскочил на ноги с криком:

– Вода поднимается!

Теперь уже оба отчетливо чувствовали дрожь земли. С крутых склонов сорвались и покатались вниз несколько кам-

ней. Заскрипел, застонал, затрещал лед. А вода в озерце под ледяной стеной действительно быстро поднималась! Кирья и Мазайка на миг застыли, пытаясь понять, откуда приближается опасность.

– Бежим! – Кирья дернулась, Мазайка поймал ее за руку.

– Нет! Вниз нельзя – смое!

Вода прибывала все быстрее. А глухой рев, доносившийся из расщелины, ясно говорил о том, что это лишь начало...

– Туда!

Парень указал на скалистый выступ в стороне от реки. Раньше рядом с ним проходила охотничья тропа. Именно с него Аюр и Джериш когда-то впервые озирали Затуманный край. Друзья быстро полезли вверх, карабкаясь по трясущейся под ногами каменной осыпи. Кирья, еще не до конца пришедшая в себя, то и дело оступалась. Мазайка торопил и подталкивал ее, оглядываясь на растущее на глазах озеро. Он видел, как шевелятся глыбы льда, как между ними сочатся струйки воды, быстро превращаясь в потоки... Лишь одного он боялся – что крутой склон под ними сейчас так же поползет вниз и похоронит их под собой или скинет в разлив.

Они успели – добрались до безопасного выступа и упали, тяжело дыша и с высоты глядя, во что за считанные мгновения превратилась мирная Вержа. Из ущелья хлестала ревущая струя воды, увлекающая за собой валуны и кроша льдины. Мазайка перевел дыхание:

– Фух! Спаслись...

Кирья вдруг вскинула голову и закричала:

– Там люди!

В самом деле, в бурлящем потоке чернели головы. То исчезая, то снова выныривая на поверхность, неизвестные отчаянно боролись за жизнь. Кого-то волокло по камням, кто-то попал под льдину и больше над водой не появился... Мазайка сорвался с места и, скользя по осыпи, метнулся вниз. Прыгая с камня на камень, он добрался до темноволосого человека, который из последних сил цеплялся за валун. Общими усилиями они одолели течение и выбрались на мелкое место. Мазайка заметил, что сила паводка ослабевает. «Хвала предкам, иначе бы нас снесло обоих, а так я сейчас помогу и остальным!» – обрадовался он. К счастью, спасенный был мал ростом и худ. Мазайка оттащил его на отмель, где вода уже не шумела, унося все с собой, а тихо сочилась меж камней. Незнакомец был почти без сознания, все его тело онемело. Едва придя в себя, он вцепился в руку спасителя и принялся о чем-то его умолять, указывая назад, в сторону озера.

Мазайка поднял голову и увидел еще двоих. Белобрысый верзила с трудом брел к берегу по колена в воде, поддерживая товарища. Тот кое-как перебирал ногами, его голова была разбита. Юный ингри поспешно бросился на помощь.

Солнце уходило за лес, окрашивая ледяную стену алым. Основание ее тонуло в сизом сумраке. Костер казался искрой, едва мигающей у края бесконечных ледяных плоскогорий.

Трое спасенных из паводка грелись у огня. Одежду они сняли и развесили сушиться поблизости. Подростки отдали им свои плащи и все, что подошло из сменных рубах и портов. Впрочем, их одежда налезла только на невысокого тощего чужака, которого первым вытащил Мазайка. Молодому парню с разбитой головой было не до переодевания. Когда его дотащили до берега, раненого стошнило и он даже в сознание пришел, но сидеть не мог – все валился на бок. Старший товарищ, косматый верзила, быстро передел его во все сухое, что нашлось в дорожных коробах у ингри, поверх укутал плащом и уложил поближе к костру. А сам уселся рядом в чем мать родила, только накинул плащ Кирьи на плечи и принялся за еду.

Мазайка следил за тем, как верзила поглощает их пищу, испытывая смешанные чувства. Они с подругой хорошо подготовились, уходя в странствие. Не знали, куда поведет путь, но голод первое время им не грозил – до этого вечера. Хорошо, что у них оказалось достаточно еды, чтобы поделиться с попавшими в беду людьми. Но теперь придется думать, как

пополнить припасы...

Кирья устроилась в стороне от костра, предпочитая наблюдать за чужаками, а не вступать в беседу. Мазайка же, наоборот, подсел поближе. Он охотно порасспросил бы пришлых о том, кто они такие и чего ищут в землях ингри. Тем более он уже понял, что по крайней мере один из них говорит на их языке.

Но спасенные оказались неразговорчивы. Молодой парень с перевязанной головой лежал тихо, с закрытыми глазами, изредка что-то бормоча слабым голосом. Худой коротышка, напротив, был охвачен беспокойством. Несмотря на озноб, он ушел обратно к озеру сразу, как только смог встать на ноги. Мазайка с любопытством наблюдал, как тот бродил у водопада и у нагромождения льдин там, где оползень запрудил реку, то и дело нагибаясь и что-то выкликая. Наконец, когда стемнело, коротышка вернулся к костру и молча сел, уткнув лицо в ладони, будто собрался плакать.

Третий был суровый мужчина лет тридцати, высокий, бородатый, с угрюмым взглядом. Его кожу покрывало множество шрамов – светлые, давно зажившие, а поверх них – свежие. «Он, должно быть, воин, – размышлял Мазайка. – Из какого он племени?»

Краем уха он слышал, как верзила что-то приговаривал, перевязывая младшего товарища, но ни слова не понял.

«А этот, невысокий, очень похож на ингри, только волосы темные и длинные...» Парню казалось, что он уже видел

похожих людей.

Кого же они вытащили?

Длинноволосый коротышка вдруг поднял голову, прерывисто вздохнул и произнес, глядя перед собой в пространство:

– Где же брат? Я не смог отыскать его! Я звал, но он не откликнулся... Мы боролись с потоком бок о бок, а потом льдина перевернулась и он исчез...

– Смирись, Андемо, твой брат погиб, – мрачно ответил ему на том же наречии лохматый бородач. – Его затянуло под лед на моих глазах. И он не плыл, вода просто тащила его тело.

– Может быть, его выбросило где-то ниже по течению! Я пойду...

– Сиди. Его не протащило бы через ледяной затор, а там ты все обыскал.

Андемо обхватил руками виски:

– Один брат погиб в пещерах, а теперь и второй! Что я скажу матушке?

Лохматый промолчал, бросив на собеседника выразительный взгляд, которого тот не заметил, а Мазайка вполне понял. «Ты так уверен, что сумеешь добраться до своей матушки?»

– Здешние боги сильны и безжалостны, – не смолкал Андемо. – Нас осталось всего трое! Змеиный Язык забирал нас одного за другим...

– Не гневи богов жалобами, друг. Мы прошли синими пещерами, мы видели рождение огненного чудища и все еще живы...

Мазайка молча подкидывал дрова в костер. Чужаки в самом деле говорили на языке ингри – но коверкали его очень знакомым образом. Внук Вергиза помнил – именно так изъяснялись охотники из Арьялы. Так вот, значит, откуда явились спасенные! Но бородатый воин и парень с разбитой головой ничем, кроме разве что роста и стати, не напоминали надменных златовласых арьев... «А длинноволосый Андемо похож на арьяльских слуг – на бьяров! – вдруг сообразил мальчик. – Но кто эти двое? Его хозяева? Нет, они общаются как равные... И арьяльский язык им, похоже, неродной – этот здоровый говорит, словно каши в рот набрал...»

В раздумьях он не заметил, что бородач за ним внимательно наблюдает.

– Где мы, парень? – спросил он.

Мазайка смешался. Бородач ухмыльнулся:

– Ты перестарался, притворяясь, что не понимаешь нас. Вы с бьярами, похоже, родичи. Ну, давай познакомимся. Люди называют меня Варлыгой. Это Андемо, мой друг и побратим. Парень с разбитой головой – Дичко, мой родич.

– Меня назвали Мазаем, – не слишком охотно ответил подросток. – А это Кирья. Мы из рода Хирвы, что за Вержей...

Варлыга бросил взгляд на рыжеволосого паренька, сидев-

шего поодаль от костра. Тот ответил сумрачным взглядом – дескать, ты кто такой, чтобы выспрашивать?

– Рода Хирвы? – переспросил он.

– Да, рода Хирвы, дедушки-Лося. По ту сторону Вержи – земли большого, сильного рода Кабана...

– Что это за племена? – удивленно спросил Андемо.

– А я понял, кто это! – воскликнул Варлыга. – Мы называем их «изоряне». Лесные люди с севера. Я знаю лишь то, что они живут за Змеиным Языком...

– Мой дядя возил мед изорянам, – слышалось с лежанки раненого. – У них есть торг на священном озере... Ладьва, кажется...

– Далеко же нас занесло! Как это мы умудрились взять так сильно к северу?

– Восхвали богов, что они вообще сохранили тебе жизнь, – проворчал Андемо.

И снова помрачнел, вспомнив брата...

Варлыга между тем повернулся к Мазайке:

– Что вы тут делаете вдвоем с другом? Почему ушли из родного селения?

Мазайка вздохнул и принялся рассказывать. Он говорил о напастях, что обрушились на род Хирвы; о чудовищах, что завелись в лесу; о том, что все родичи сбежали за реку, а они замешкались и едва унесли ноги от страшной ползучей твари... Варлыга слушал, а больше смотрел. Двое подростков, одеты удобно и тепло. Старший – беловолосый, с очень

светлыми глазами, похож на бьяра. Младший – рыжий, и выглядел, и вел себя странно. Его внешность и повадки чем-то раздражали Варлыгу. Будь они в Аратте, он бы сказал, что перед ним арийский полукровка. Но откуда взяться арьям в этом забытом богами полуночном краю?

Чудовища, колдовство... По пути через Змеиный Язык беглецы навидались такого, что уже устали бояться. Не велеть ли мальчишкам отвести их в ближайшее изорянское селение? Но Варлыга еще сам не был уверен, что ему туда нужно.

– Вы из Арьялы? – рискнул спросил Мазайка.

– Да, – кивнул Андемо. – Я бьяр, а они дривы.

– Дривы?

Слово было знакомое; но тут раздался голос Киры:

– Бьяры живут за Холодной Спиной. Что вы делаете так далеко от родных земель? Вы заблудились?

Варлыга и Андемо одновременно обернулись, услышав голос рыжего парня. Да это же девчонка!

– Именно что заблудились, – кивнул Варлыга. – Мы бежали из Аратты, потеряли путь на Змеином Языке. И сейчас ищем дорогу домой.

Глава 2. Призывание змея

Невыносимый грохот раздавался отовсюду – сверху, снизу, изнутри... Весь мир стал грохочущей синей тьмой. Дрожали и трескались ледяные стены пещеры, земля под ногами ходила ходуном, так что даже кости внутри живых тел начинали вибрировать, словно пытаясь разрушить плоть... И куда ни глянь – все двигалось.

Особенно страшно было смотреть вверх. Андемо глянул лишь раз и чуть не лишился последних остатков самообладания, а вместе с ними и разума. Своды пещеры превратились в низкое, нависшее над самой головой кипящее грозовое небо. Тяжелый синеватый потолок двигался прямо над ними, полз куда-то, опускаясь все ниже и ниже. Будто, вращаясь, смыкались жернова, а зерна в тех жерновах – они сами!

Свод разрежала трещина, словно просвет среди туч, внутрь хлынул дневной свет. Андемо мельком увидел перекошенные лица мятежных строителей Великого Рва. Варлыга кричал, но его голос совершенно тонул в неопишемом шуме. Встретившись глазами с товарищем, Варлыга замал руками, указывая в дальний конец пещеры. Одного взгляда хватило, чтобы понять: это их шанс на спасение. Вслед за возжаком беглецы, шатаясь и падая, стараясь опередить неумолимо опускающийся свод, бросились в уходившую куда-то вниз расселину...

Андемо вскинул голову, распахнул глаза. Перед ним рдели и переливались сполохами угасающие угли костра. В ясном небе, над синеющей во тьме стеной ледника, раскинулась россыпь звезд. «Хорош сторож!» – криво усмехнулся Бьяр, оглядываясь. С одной стороны храпели дривы; с другой доносились тихие разговоры.

– Мой дух-защитник послал нам проводников! – горячо шептала рыжеволосая девчонка. – Мы пойдем с ними, и они приведут нас к моему отцу!

– Кирья, какие проводники? – с досадой возражал ей приятель. – Это чужаки, они сами не знают дорогу! А если бы и знали – с чего бы им брать нас с собой? Зачем им лишняя обуза? Да мы и сами ничего о них не знаем. Куда идут, от кого убегают? Мне кажется, те двое, дривы, – страшные, отчаянные люди! Особенно этот лохматый, весь в рубцах... Такому тебе или мне шею свернуть – что почесаться... Бьяр, верно, их проводник, да тоже сбился с пути...

– А если мы вместе вернемся по Верже? – упрямылась девчонка. – Если те двое, как ты сказал, люди отчаянные – пусть защитят нас...

– От огромного змея, который лося сожрал с рогами и копытами? Ха! Разве что он проглотит их первыми, пока мы будем убежать... Да и о прочих чудовищах не забывай. Кто знает, сколько их еще напустила Калма на земли Ингри-маа...

– А куда еще?! Пойдем к югу вдоль Холодной Спины – попадем прямо в Мокрый лес. Болота пока не замерзли, мы там просто потонем, прежде чем нас съедят...

– Тсс! Сторож проснулся!

Разговоры сразу смолкли. На Андемо уставились две пары настороженных глаз.

– О каком змее вы говорите? – спросил он. – Тут, под горами, по слухам, водятся огромные ледяные черви-землегрызы. Они прогрызают ходы, и земля рушится под ногами...

Беловолосый мальчик помотал головой:

– Нет, наш змей вылез из болота. Он несколько дней преследовал нас. К счастью, создания Калмы боятся холода. Обвал и паводок отогнали его...

– Рано радоваться – еще вернется, – резко сказала девочка. – Его послали не просто так! Ему нужна...

Андемо заметил, что мальчик сжал руку своей подруги, словно призывая замолчать. Непростые дети, подумал бьярский ведун. И неспроста оказались тут одни. Значит, преследует змей... Девчонка, переодетая парнем, похоже, не чужда колдовства. Андемо понял это сразу же, как ее увидел. А подспудно ожидал встретить еще раньше – когда в первый раз услышал пение дудочки в синих пещерах...

Вон она, эта дудочка, у девки в руках. Дудка из кости твари, не принадлежащей этому миру. Андемо был уверен: если услышит звук, то сразу узнает. Нежные, звонкие, переливчатые звуки – и горы сдвинулись с места... Уже дважды бегле-

цы слышали голос дудки, и всякий раз после этого начиналось нечто ужасное.

– Мой товарищ правду сказал, – заговорил Андемо. – Варлыга с родичем в самом деле возвращаются домой. Но не я – моя родина осталась в Бьярме. Думаю, я никогда ее уже не увижу. Мы беглецы. Мы едва ускользнули от смерти. Ушли от погони под Змеиный Язык и решили, что спасены.

– Кто же вас преследовал? – спросил Мазайка.

Андемо помешкал, думая, с чего начать.

– Много лет назад Аршалай, повелитель Бьярмы, повелел копать Длинную Могилу.

– Что это?

– Огромное рукотворное ущелье. Можно много дней идти вдоль него, а оно все не кончается. Сейчас оно протянулось от моря почти до гор Холодной Спины... Когда оно будет выкопано, в него хлынут воды Змеева моря и оно превратится в новую реку...

– Зачем? – озадаченно спросил Мазайка.

Он пытался представить подобное ущелье, но ни образ его, ни смысл не укладывались в сознании.

– Со всех подвластных Аратте земель туда присылают несчастных, – продолжал бьяр. – Они копают и долбят землю, пока не погибают. Мужчины падают от непосильного труда, их семьи умирают от голода... Однако повелитель Аршалай безжалостен. Он говорит – это священный труд для спасения от вод Змеева моря! Но это неправда. Боги очень

рассержены на арьев. Скоро грядет возмездие – и не хотелось бы оказаться там, где грянет гром!

– А! – догадался Мазайка. – Так вы были среди тех, кто копает это ущелье, и вы убежали, да?

Бьяр кивнул:

– Нас было больше. Арьи не любят марать руки убийствами – для таких дел у них есть накхи, змеиные люди. Те отвергают всех богов, кроме Первородного Змея. Это само по себе скверно, ибо Змей правит морем, а море – темная бездна, равнодушная ко всем живущим на суше. Накхи сторожат ров и убивают тех, кто хочет сбежать. Однако нам удалось обмануть их, спутать следы и оторваться...

Андемо с тоской поглядел во тьму.

– Нас было больше, – повторил он. – Со мной было два брата. Одного мы потеряли, как только вошли в пещеры. Второго погубил подземный огонь...

– Огонь?

У Мазайки мурашки побежали по спине. Он бросил быстрый взгляд на Кирию, вспомнив рассказ о ее видении. Уж не погубила ли она брата Андемо игрой на костяной дудке? Всякий раз, как Кирия берется на чем-нибудь играть, вокруг все рушится!

– У Варлыги остался хотя бы Дичко, – печально продолжал бьяр. – Все его прочие соплеменники тоже сгнули в подземельях один за другим. По правде говоря, когда начали рушиться своды пещеры, мы были уверены, что нам всем

...Трещина уходила вниз. Из темной глубины веяло смертельным холодом. Люди спотыкались и скользили по ребристому полу. Гладкие стены трещины обросли застывшими наледями, словно некогда прежде струился поток, а потом мороз сковал его. Невыносимый грохот понемногу отдалялся, разлитое в воздухе синее свечение угасало. Дальше беглецы спускались на ощупь в полной тьме. Кто-то поскользнулся, упал в воду и выругался, – как-то незаметно оказалось, что по дну трещины бежит ручей. Вскоре он разлился от стенки к стенке. Пришлось шлепать по воде, и вскоре никто уже не чувствовал ног.

«Куда мы идем?» – спросил кто-то, когда они остановились отдохнуть.

Беглецы потеряли счет времени и понятия не имели, где находятся. Воздух обжигал холодом, ледяные стены высасывали силы.

«Вперед», – ответил Варлыга.

Больше сказать было нечего. Мог бы только добавить – как можно дальше от рушащихся гор и ползущего над головой свода. Позади – верная гибель. Впереди... Он просто следовал за ручьем. Опыт подсказывал: текущая вода рано или поздно найдет себе выход на поверхность. Но когда и как и смогут ли они пройти этим путем – знают лишь боги...

«Мы заблудились!» – надрывно крикнул один из дринов. По

голосу было ясно, что он находится на пределе сил. – Мы погибнем здесь... Надо возвращаться!»

Его поддержали и другие голоса. Позади грозил гибелью обвал и сторожили ловчие Каргая – но все это уже не казалось людям таким уж страшным по сравнению с черной ледяной бездной впереди...

«Нет, надо идти дальше, – решительно поддержал возжака Андемо. – Мы сейчас пойдем через вековые льды. Здесь все ручьи текут на полдень. Вода точит ходы во льду. Будем просто следовать за водой. Если боги будут к нам милостивы – мы пройдем насквозь и выйдем с другой стороны гор».

«Боги? – угрюмо повторил кто-то. – У бьяров есть подходящий бог, чтобы помолиться ему? Или надо воззвать к богам мохначей?»

«Я воззову к любым богам и пообещаю любые жертвы, если они помогут нам выбраться из этой ледяной преисподней, – рявкнул Варлыга. – Вперед!»

Андемо вдруг застыл, ощущая, как волосы становятся дыбом. Издалека, из тьмы, хрустальным эхом отражаясь от выглаженных водой и морозом стен, лились нежные, чистые звуки...

Не прошло и мгновения, как земля затряслась у них под ногами. Заплескала вода, с потолка острым ливнем посыпались сосульки... В недрах гор снова начал нарастать глухой грохот.

«Боги ответили нам! Вперед!» – заорал Варлыга, пока

страх нового обвала не лишил его людей остатков разума.

Треск льда, шум потока...

– ...так мы бежали во тьме, – говорил Андемо, то ли рассказывая, то ли просто вспоминая вслух. – Падали острые ледяные осколки, катились камни, бурлила вода. Нас становилось все меньше, но мы даже не знали об этом; каждый думал лишь о том как спастись самому. Мы бежали, словно в полубреду, не чуя от холода ни рук ни ног. Шум затих, и земля перестала качаться, но мы даже этого не заметили. В конце концов мы увидели свет.

Когда мы перевели дух и немного отогрелись, то поняли, что подземные боги приняли жертву и выпустили нас. Мои братья узнали место, куда мы вышли, – они бывали здесь прежде. Только ходили в эти края поверх Змеиного Языка, а не под ним...

Андемо ладонью расчистил кусок земли возле костра и принялся чертить, изображая нечто вроде змеиной головы, держащей в пасти острый камень.

– Смотрите: южная оконечность Змеиного Языка разделяется на два извилистых отрога, огибая Алаунские горы. Люди редко заходят туда, но это не совсем необитаемые земли. В горах гораздо теплее, чем на Змеином Языке, из-за сотен горячих источников. В тамошних долинах водится множество жутких тварей. Между южным краем Змеиного Языка и Алаунскими горами – сырые заболоченные равнины.

Неплохое место для охоты. Там пасутся стада оленей с самыми большими рогами, какие только можно вообразить... Наши охотники ходят туда по весне на промысел за молодыми, еще мягкими оленьими рожками – это волшебное средство от многих болезней... Водятся там и дикие кони, косматые и злые. Варлыга думал было поймать их, но это пустое дело...

– А что там, в Алаунских горах? – негромко спросила Кирья. – Ты сказал – чудовища?

– О да! Те, кто туда ушел, обратно уже не вернулись. Но даже издалека мы видели ужасающих птиц. Да и птицы ли это? Сущие нетопыри, только огромные. У них нет перьев, перепончатые крылья обтянуты черной кожей. У тварей длинная пасть, полная зубов, они могут растерзать любого... Раз мы вышли прямо к скале, где они гнездились... Ох как мы оттуда улепетывали!

Андемо содрогнулся, вспоминая, и не заметил, с каким жадным любопытством его слушает Кирья.

Некоторое время бьяр помолчал, подкинул валежника в огонь. Где-то вдалеке прогрехотал обвал. Должно быть, еще один склон подался и теперь сползал вниз, увлекая с собой травы, камни и лед.

– Что-то очень плохое происходит со Змеиным Языком, – сдавленным голосом сказал Андемо. – Мохначи неспроста прозвали эти горы Ползучими. Я подозреваю, горы ползут так быстро, что разрушают сами себя. Когда мы пересекали равнину между отрогами, мои братья не узнавали их. Там все

изменилось! Звери уходят, реки разливаются... И обвалы... Каждую ночь меня мучили страшные видения. Казалось, вокруг черепа исполинских зверей...

– Великие звери? – спросил Мазайка. – Они иногда забредают в Ингри-маа! Один такой древний зверь пришел к нам из Мокрого леса... Мы прозвали его волчьим секачом. Он убил ее названного отца, – кивнул на Кирию. – А потом арьяльский царевич застрелил его на охоте. Попал стрелой прямо в глаз!

– Нет, те, что мне снились, были размером с горы, – продолжал рассказ Андемо, сделав мысленную пометку насчет «арьяльского царевича». – Как знать, может, в незапамятные времена тут водились зверобоги выше гор! Порой мне кажется, что Змеиный Язык – такой уснувший зверь...

«И он просыпается», – мысленно закончил Мазайка, косясь на вздымающуюся в небо ледяную стену.

– Как же вы сумели выйти сюда? – спросила Кирия.

– Выйти? – хмыкнул Андемо. – Уж скорее нас выкинули сюда злые дивы! Слушай. Когда мы пересекли равнину и вышли к западному отрогу Змеиного Языка, мы стали думать, что делать дальше. Идти через горы на запад – мы бы не дошли. У нас ни припасов, ни теплой одежды, а в горах водятся саблезубцы... Спускаться к югу вдоль хребта, чтобы выйти в земли дринов напрямую, – о, об этом спросите Варлыгу. Он расскажет вам о муравьиных лесах...

– О чем?

– Потом узнаете. Словом, мы сидели и спорили. Наконец Варлыга принял решение – идти через горы. Но ушли мы недалеко. Это произошло сегодня утром. Едва мы пересекли хребет, затряслась земля. Из трещин в небо поднялись облака пара. Все плоскогорье заволокло туманом. Мы заблудились во мгле – а потом я снова услышал звуки дудочки. И не успел я сказать «Прощайте, друзья», как земля разверзлась прямо под нами...

Андемо перевел дух, кинул взгляд на Кирью и сказал:

– Мохначи рассказывают о Водах Гибели... Всю дорогу я гадал – о чем они? Под Змеиным Языком все пропитано водой. Но в этот миг я понял, что они имеют в виду! Точнее – увидел своими глазами. Мы упали в подземное озеро, озаренное багровым светом. В центре этого озера высилась огненная гора. Вода вокруг нее кипела ключом. По склонам горы изливались раскаленные потоки, мгновенно застывая, а поверх них уже ползли новые. Огонь рвался вверх, растапливая своды, и нам на головы непрерывно лился горячий дождь. Все вокруг было наполнено ядовитым паром... Вот так судьба – свариться заживо под ледяными горами!

– Что же случилось потом? – спросила Кирья.

– Нас подхватил поток и повлек куда-то с неудержимой силой. Нас несло в багровом сумраке, в ледяной трубе. Вода, поначалу обжигаяще горячая, остывала с каждым мигом. Огненная гора осталась позади. Там же, во тьме, сгнули все наши товарищи, кроме троих. И наконец нас выкинуло на-

ружу – в это самое озеро...

Андемо кивнул в сторону истока Вержи и вдруг спросил девочку:

– Это ведь все ты устроила?

Кирья даже не моргнула, будто вопрос совсем не удивил ее.

– Почему ты так решил?

– Я, знаешь ли, немного смыслю в волшеббе. Твоя дудка – кость существа из-за Кромки, верно? Она открывает проходы между мирами. Никому не следует пользоваться такой вещью, а уж тем более необученной девочке. Откуда у тебя эта дудка? Ты нашла ее?

Кирья гордо вскинула голову:

– Унесла... у одной ведьмы.

Андемо покачал головой:

– Возможно, ты опытнее, чем кажешься. Но лучше бы тебе никогда не играть на ней.

– Послушай, бьяр, – заговорила девочка. – Прежде чем указывать, на чем мне играть, а на чем нет...

Мазайка дернул ее за руку и что-то зашептал на ухо. Андемо смотрел на маленькую чародейку в замешательстве. Поначалу ее дерзость, немислимая для подростка, изумила его. Но потом он и сам увидел то, что сразу бросилось в глаза служившему в столице Варлыге. Андемо видел арьев всего пару раз в жизни – на строительстве Великого Рва они появлялись нечасто, – однако те встречи врезались ему в память.

Златовласые любимые дети бога Сола, хоть среди лесов, хоть среди снегов, вели себя так, словно мир был создан именно для них и ничто в нем не могло ни навредить им, ни утрашить. Эта девочка из диколесья держалась с тем же спокойным и гордым бесстрашием.

– Дело вот в чем, Андемо из Бьярмы, – заговорил ее приятель. – Не хочу тебя пугать, но нас преследует по пятам огромный змей. Он вылез из болота далеко за Вержей, полз за нами по пятам несколько дней. Едва не догнал у реки – мы успели забраться на высокую скалу. Думали, там и помрем от голода, но, к счастью, похолодало, выпал снег. Змею это пришлось не по вкусу, и он уполз в лес. Потому мы и торчим здесь, у Холодной Спины. Когда начался паводок, мы как раз думали, не отправиться ли в Бьярму...

– Это она вызвала паводок? – перебил его Андемо.

Мазайка сокрушенно кивнул:

– Не нарочно... И дело вовсе не в костяной дудке. Помню, как-то раз слепил я глиняную «сойку», и Кирья решила на ней сыграть – такое началось...

– Что ж, спасибо, что рассказал, – пробормотал бьяр. – Так вот о каком змее вы шептались... И вы говорите, он вас преследует... С этим надо что-то делать!

– Что же с ним сделаешь?! Он шагов тридцать от головы до хвоста! А толщиной со старую сосну!

– Не важно...

Андемо ненадолго задумался, а потом улыбнулся:

– Я попробую с ним поговорить.

– Как?! – изумились оба подростка.

– Я уже сказал – я кое-что смыслю в чародействе. Особенно во всем, что касается зверей. Могу призвать зверя, могу отогнать его...

– А я говорила, эти люди посланы нам богами! – торжественно заявила Кирья.

– Но змей не обычный зверь, он злой дух из-за Кромки, – усомнился Мазайка.

– Тогда... что ж, меня и этому обучали, – чуть замешкавшись, сказал Андемо. – Хоть и не мое это дело, однако отправлять духов за Кромку мне тоже приходилось. Ночь ясная, луна стоит высоко – сейчас мы и призовем вашего змея. Если он живой – я с ним договарюсь. А если злой дух – я его изгоню. В любом случае за спиной мы его не оставим.

* * *

Они отошли от костра шагов на сто, пока огонь не исчез из виду. Теперь им светили лишь звезды и луна. Отдельные корявые сосны и ели росли там и сям среди огромных валунов, некогда скатившихся с крутых склонов Холодной Спины. Когда впереди показалась черная стена леса, Андемо выбрал ровную, свободную от камней и льда полянку и остановился.

– Зачем мы ушли от озера? – с тревогой спросил Мазайка.

ка. – Лес слишком близко. Если змей нападет...

– Не нападет, – ответил Андемо и повернулся к Кирье:

– Играй на костяной дудке! Зови его!

Кирья переглянулась с другом.

– Хорошо, пусть колдун попробует, – тихо сказала она. –

Если у него не получится, будет сам виноват.

Мазайка хмыкнул, покосившись на невысокого бьяра. Однако тот будто не услышал насмешливых слов Кирьи – лишь, не мигая, смотрел куда-то в сторону леса. Мазайке показалось, что под его взглядом успокаивается ветер и холодный ночной воздух становится особенно прозрачным.

Кирья поднесла к губам дудку, и над поляной полилась незамысловатая песенка. Андемо быстро поймал распев и начал в лад размеренно хлопать в ладоши. Веки его сомкнулись, губы зашевелились, выпевая строки заклинания призыва.

– О ты, кто таится во тьме,

Зверь или дух,

Тот, кто скрывается,

Тот, кто преследует,

Тот, кто выслеживает,

Услышь меня – вот я!

Тот, кого ты искал,

Тот, кого преследовал,

Тот, кого выслеживал...

Порыв ветра согнул вершины елей на опушке. Мазайка стоял, затаив дыхание. Звуки дудочки казались ему вспышками огня в ночи – и лучше бы не жечь этот огонь, привлекающий опасных гостей! Однообразное пение Андемо и его хлопки в ладоши погружали Мазайку в странный полусон, в котором он, однако, видел все гораздо четче и ярче, будто и сам стал ночным хищником. Подросток всякий миг ожидал появления змея. Ему уже мерещились огромные, тускло светящиеся желтые глаза среди ветвей.

Внезапно Андемо оборвал пение, поднял руку, давая Кирье знак перестать играть, и позвал:

– Выходи, старик!

– Старик? – удивленно спросил Мазайка, на всякий случай готовясь удрать. – Кого ты зовешь?

– Старый человек стоит за деревьями у самой опушки и смотрит на нас. Странно... Я звал змея – но на зов дудки явился... Впрочем, пусть выйдет, и мы поговорим.

– Он идет, – сказала Кирья, опустив дудочку.

В этот миг у самого края леса зажглись круглые желтые глаза, и появился змей.

Мазайка кинулся назад, в сторону костра и ледяного озера. Опомившись, метнулся обратно, схватил за руку Кирью и потащил за собой. Андемо же не сделал ни шага. В первый миг опешил, но быстро пришел в себя. Бьяр шагнул навстречу змею и вежливо поклонился ему.

– Здравствуй, старый человек!

Услышав голос, убегающие дети обернулись – как раз чтобы увидеть, как огромное туловище змея кольцами оборачивается вокруг бьяра. Морда змея оказалась прямо напротив лица Андемо.

Мазайка зажмурился. Он даже не сомневался, что чудовище сейчас проглотит Андемо с той же легкостью, как до того проглотило лося.

Но текли мгновения, а змей и бьяр оставались неподвижными. Затем Андемо вдруг раскинул руки и начал кружиться. Это было так странно, что дети застыли на месте, глядя на его танец как зачарованные. А чародей кружился и кружился внутри колец змея. Его длинные темные волосы летели по воздуху, рукава рубахи развевались, словно крылья... Мазайка моргнул – ему показалось, что ноги Андемо не касаются земли...

– Что за дивьи происки тут творятся? – слышался рядом хриплый шепот.

Дети оглянулись: из-за ближайшего валуна выглядывал Варлыга. Он сжимал топор, которым Мазайка рубил дрова. Ответить дриву никто не успел – Андемо прекратил кружение и остановился. Глядя перед собой белыми закатившимися глазами, не своим, но очень знакомым голосом произнес: – Заставил за собой побегать, внучек!

Варлыга опустил топор, который только что готовился метнуть в чудовище. У Мазайки же стало горячо в груди. Забыв обо всем, он кинулся к бьярскому колдуну, стоящему

среди змеиных колец.

– Дед Вергиз! Дедушка-а-а!

* * *

– Ведьма Калма, будь она проклята, похитила меня на Бобровом ручье... – рассказывал дух старого волчьего пастыря, которого Андемо на время впустил в свое тело. – Щучий ящер унес меня за Кромку. Моя плоть погибла во время перехода, а душа была заключена Калмой в тело одного из созданных ею чудовищ...

– Так вот почему ты выбрался из болота рядом с твоим дубом! – воскликнул Мазайка. – Ты охранял его!

– Я охранял вас. Но вы бежали от меня...

Бьярский чародей все еще стоял среди змеиных колец. Змей лежал на земле и казался уснувшим. «Сейчас бы подойти и рубануть его топором», – думал Варлыга. Он не вполне понимал, что происходит и почему Андемо говорит чужим голосом, на здешнем наречии. Кто кого зачаровал – змей бьяра или бьяр змея? Однако Варлыга не понаслышке знал, что Андемо – умелый чародей. Его умение призывать зверей однажды спасло от смерти их обоих. Поэтому предводитель дривов оставался в стороне, прислушиваясь. Странные подростки же, словно и вовсе не боясь, забрасывали одержимого вопросами.

– Дед, как выручить тебя? Как вернуть?!

– Внук, думай, как спастись самому. Из-за Кромки видно дальше и больше. Тебе грозит большая опасность.

– Но что мне делать? – в замешательстве спросил Мазайка.

– Тебе нужно найти Дядек и обрести над ними власть. Тогда уцелеешь...

– Как мне это сделать? Ночные Гости больше не приходят на мой зов! Я даже не знаю, где они!

– Мертвые волки помогут тебе их найти.

– Мертвые... кто?

Но белые глаза Андемо обернулись в сторону Кирья.

– Дедушка Вергиз, ты сказал, из-за Кромки видно дальше!

Поведай, я найду своего отца? – выпалила она.

– Это неизбежно. Судьба ведет тебя к нему, Кирья! Но будь очень осторожна и никому не верь на слово...

– Но как я его узнаю?!

– Твой отец – чародей, его оружие – песни. Ту же судьбу он готовит и тебе. Однако знай, не дочь ему нужна... Заклинаю тебя, Кирья! Никогда не показывай ему то, что вы унесли из моего дома, никогда не упоминай...

Кирья сунула руку за пояс, вытащила коробок со струной.

– Ты об этом?

Андемо дернулся, вскинул руки, и одновременно по телу змея прошла волна дрожи.

– Да!

– Там золотая нитка, – сказала Кирья. – Что это?

– Великое сокровище. Береги его, не говори о нем никому, никому не отдавай. И помни: оно принадлежит лишь твоему брату.

– Брату? – озадаченно повторила Кирья.

Учайке, что ли? Или Вергиз имеет в виду своего внука?

– А как же ты, дед?! – не выдержал Мазайка. – Как нам вернуть тебя? Ты ведь не останешься навсегда змеем?

– Я больше не вернусь в мир живых, внук. Подойди, простимся.

Мазайка подбежал к одержимому колдуну и с рыданием кинулся ему на шею.

– Дед, не бросай меня!

– Змей укажет вам короткую дорогу. Следуйте за ним и ничего не бойтесь. Это все, что я могу для вас сделать... И последняя просьба, прежде чем я уйду. – Андемо повернулся к Кирье. – Сыграй еще раз на дудке Калмы!

Девочка послушно поднесла дудку к губам и подула. Нежный звук, словно дуновение ветра, пролетел над поляной и вдруг оборвался коротким треском. Кирья отдернула голову, озадаченно глядя на два неровных обломка кости в своих руках. В тот же миг в глаза Андемо вернулся разум – а змей исчез, словно его и не было.

Глава 3. Зимовка в Ладье

Учай обвел взглядом снежное поле, простиравшееся от торжища до ближнего леса. Посередине, сбившись ватажками, переминались с ноги на ногу парни из разных родов ингри. Тут были хирва и карью, дети Шуки с берегов огромного озера на западе и потомки матери-Лягушки с окраин Мокрого леса. Заслышав о громких победах, особенно о сожжении Мравца и взятой там огромной добыче, ингри охотно шли к удачливому предводителю.

Облаченный в просторные бронзовые доспехи поверх мехового полушубка, Учай вглядывался в лица новобранцев, растерянно озирающихся по сторонам. И полугодом не прошло, как он сам и его побратимы являли такое же неказистое, жалкое зрелище! А теперь он и сам как будто глядел на них глазами Джериша. Учаю часто вспоминался арьяльский великан, такой самоуверенный и недогадливый, но так хорошо научивший его, на свою же голову, военной премудрости. А теперь обучать новую рать предстояло ему самому.

Учай сошел с крыльца и неспешно направился к ждущим его слов землякам. Один род выставил десяток парней, другой – полдюжины, третий вовсе пару человек... В четвертом заметны опытные охотники, а в пятом молодые ребята вооружены кто во что горазд. Все родичи стоят кучей и держатся друг за друга, как в стае. Еще бы – брат встанет за брата,

если понадобится.

И вожаков каждая ватажка сама себе выбрала...

Нет, так дело не пойдет.

– Вы чего пришли? – глядя исподлобья на будущее войско, спросил Учай.

– Так за тобой на войну идти, – отозвался один из вожаков.

– Ты кто?

– Люди зовут меня Тармо из рода Горностая.

– Вожак, стало быть? И как же вы драться полагаете?

– Как всегда, – удивленно отвечал тот. – Как деды наши дрались. Когда скажешь в бой идти – я первым встану, а за мной братья.

– Ишь ты. Ты, значит, в своем роду большой воин?

– Не последний, – гордо расправил плечи Тармо. – Кое-что умею.

– Это хорошо. А кто же у тебя самый нескладный?

Тармо задумчиво оглянулся и ткнул в одного из парней.

– Вот этот. Он вовсе молодой. Совсем недавно копье в руки взял.

– Ах вон оно как... А ну выстройтесь, как в бой пойдете!

– Это для чего?

– Что там для чего, я еще расскажу.

Учай положил руку на рукоять своего знаменитого кинжала:

– А тебе впредь урок – вопросы будешь задавать, когда я

тебе разрешу. Стройтесь!

Тармо недовольно фыркнул, но приказал сородичам встать гусиным клином – он, как самый сильный, встал впереди, остальные за ним, прикрывая по бокам. Так испокон веку становились на бой ингри, если приходилось, объединившись с соседями, идти на кого-то третьего. Дюжина парней из рода Горностая, выставив вперед копыя, стала ждать, что такое задумал легендарный сын Шкая.

Учай невозмутимо прошелся мимо строя, дошел до того самого юнца, которого вожак назвал самым нескладным. Тот, как это принято у ингри, топтался в самой дальней части клина. Еще почти совсем мальчишка, он настороженно глядел на полководца. Учай вдруг с силой толкнул его ладонью в грудь так, что бедняга уселся в снег. В тот же миг клинок Учая покинул ножны, и сын Шкая с устрашающим воем напал сзади на клин. Он схватил за ворот и опрокинул одного, ударом рукояти свалил второго, оттолкнул третьего... Лишь в этот миг Горностаи сообразили, что происходит, и начали поворачиваться. Но поздно – Учай уже стоял, уперев острие кинжала в шею Тармо.

– Вот как бывает, если по-старому воевать!

Учай вернул клинок в ножны.

– Ну так ты ж мимо всех хитростью прошел, – обиженно возразил вожак.

– Но я был один против двенадцати и никого не убивал.

Бойцы прочих родов, с любопытством следившие за уро-

ком, принялись было насмешничать, величая опростоволосившихся сородичей снежными бабами, но Учай обвел их сердитым взглядом и шикнул:

– Все умолкните! С вами было бы точно так же. Запомните – по-старому, своими родами, вы больше воевать не будете. Арьяльцы с такими, как вы, давно научились справляться. Этакие гусиные стайки они в пинки разгоняют.

– А как же тогда? – спросил кто-то из рода Бобра.

– Ну-ка все перемешались! – не утруждая себя ответом, заорал Учай. – Давайте не спите! Что непонятного?

Ингри нехотя разбрелись по полю, выполняя странный приказ.

– Быстрее! Отойти всем от родичей! Когда снег растает, я хочу видеть войско, а не толпу с кольями. Мальчишки вроде вот этого, – он указал на сбитого им с ног паренька, – пусть отойдут в сторонку.

– Чего? Мы тоже хотим! – слышались обиженные голоса.

– Еще слово вякнешь – и пойдешь домой. Зрелые мужи, бывавшие в бою, отойдите в другую сторону.

Полтора десятка бородатых мужчин, с недоумением глядя на Учая, отошли к краю поля.

– Неплохо, неплохо!

За спиной повелителя ингри слышались громкие хлопki в ладоши. Учай обернулся. На краю поля, наблюдая за за-

гадочными перемещениями новобранцев, стоял Киран. Вокруг бывшего блюстителя престола толпилась многочисленная свита – с некоторых пор Киран не ходил в одиночку даже по нужде. Высокие смуглые арьи из домашнего войска Кирана, в сияющих кирасах и алых, подбитых мехом плащах, смотрелись на заснеженной околице Ладвы совершенными чужаками, пришельцами из иного мира. Киран был одет роскошнее всех – он тщательно следил за тем, чтобы выглядеть по-царски в глазах здешних дикарей.

Учай скользнул взглядом по бледному лицу бывшего придворного с темными кругами вокруг глаз и слегка усмехнулся. «Опять всю ночь пил», – подумал он, небрежным поклонном приветствуя того, кого прилюдно величал истинным государем Аратты.

– Вижу, Джериш хорошо тебя обучил! – продолжал Киран. – Он даже успел познакомить тебя с правильным строем...

– Джериш тут ни при чем, – ответил Учай, движением руки отпуская новобранцев. – Я наблюдаю и делаю выводы, ясноликий Киран. Предсказуемость недопустима. Что ингри, что дривы строятся на битву всегда одинаково – эдакой пилой, где самый острый зуб – вожак ватаги. Никудышный строй, один человек может его сломать. Я показал им как...

– Полагаешь, они поняли?

– Если не поняли, покажу еще раз. Непросто менять вековые обычаи.

– Тебя они послушают охотнее, чем кого-либо другого, – заметил Киран. – Здешний люд считает, что ты благословлен небесами...

Учай надменно поджал губы и ничего не ответил.

– Считает? – хохотнул стоящий рядом Вечка, младший побратим Учая. – Конечно благословлен! Ведь Шкай, господин Небесный Гром, – родной батюшка нашего повелителя!

Киран с той же любезной улыбкой склонил голову. Однако в душе ему было не до смеха. Он глядел на стоящих перед ним нахальных ингри – двух юнцов, по сути, мальчишек-дикарей, один из которых величал себя сыном бога и повелителем Ингри-маа, – и не мог отделаться от мысли, что где-то крупно ошибся.

Даже себе он не хотел признаваться в том, что этой ошибкой было само согласие принять на первый взгляд спасительное предложение Учая.

Да, конечно, в столице его положение было отчаянное. Когда нашелся настоящий царевич Аюр, от блюстителя престола отвернулись все. Оставалось лишь передать законному государю власть – и ждать своей участи... Или бежать – но куда?! И вдруг, нежданно-негаданно – этот самый Вечка с посланием от молодого наместника Затуманного края. Учай – единственный – клялся ему в верности и предлагал войско! Киран ухватился за этого неизвестного ему Учая, как за соломинку. Если бы у него было время подумать, он никогда бы не принял столь опрометчивого решения. Но тогда блю-

стителем престола руководило лишь желание спасти голову от топора.

Только оказавшись в окрестностях сожженного Мравца, Киран начал понимать, во что ввязался. Действительность сильно отличалась от того, что он себе представлял в столице. «Многотысячное войско», которое сулил Учай, существовало только в переписке. А то, что имелось, состояло из ополчения – дикарей верхом на лосях – и кучки наемников. Да еще дривы, будь они неладны! Едва узнав о том, что в их земли прибыл бывший наместник, дривы, словно хищные муравьи, полезли из своих землянок и старых пожарищ, требуя крови.

Приглашая блюстителя престола в Затуманный край под свою защиту, Учай писал, что земли дривов ему покорны, мятеж подавлен и Кирану там ничего не угрожает. Это тоже оказалось не то чтобы правдой... По сути, никакого мятежа и не было! Учай и не думал воевать с дривами. Хуже того, он находился с ними в союзе. Да и Мравец, собственно, сожгли именно по его приказу...

Осознав весь ужас своего положения, бывший блюститель престола простился было с жизнью. Однако в намерения Учая его гибель вовсе не входила. Хитрый ингри сразу же послал его на север, в Ладвву, подальше от жаждущих мести дривов. Киран сбежал из столицы не один – его сопровождала свита и личное войско из тех, кто по разным причинам не особо рассчитывал на помилование от государя Аюра. Но

даже тут, в Ладвье, арьи устроили себе отдельный стан и жили почти в осаде, пока дривы бродили вокруг, будто голодные волки.

«Я иду по тонкому льду, – думал Киран. – Надо следить за каждым словом и не показывать слабости. Все дикари как лесные звери. Заметят страх – сожрут...»

– Если ты полагаешь себя сыном божества, вождь ингри, то знай – с тебя и спросят как с бога, – спокойно сказал он, не удостоив взглядом Вечку.

– Кто спросит? – недобро прищурился Учай.

Что-то в его голосе заставило вельможу поежиться. Ох, не нравился ему этот Учай! Годами вождь совсем молод, но голова уже седа и взгляд далеко не юноши. Местные почитали Учая за сына бога; арьи из домашнего войска, не скрываясь, называли безумцем. Но от этого безумца зависели их жизни...

– Небо и спросит, – вывернулся Киран. – От своего сына оно ждет только удачи!

– Это понятно! У меня и не будет неудач. Зачем ты пришел, ясноликий? – нетерпеливо спросил Учай. – Посмотреть, как я обучаю войско? Так мы уже закончили...

– Меня опять пытались убить! Нынче ночью двое дривов пробрались прямо в мой стан. Орали что-то про месть за родичей... Конечно, их прикончили, но был ранен один из моих людей...

Учай скривился:

– Твоя вражда с дривами – большое неудобство для меня, Киран! Главы родов почти каждый день приходят, пытаюсь выпросить или выкупить твою голову. И между прочим, рассказывают такие ужасы о твоих деяниях, что даже я не могу найти слов. Дружба с тобой обходится дороговато... Если бы знал, что тебя здесь так ненавидят, трижды подумал бы, прежде чем предлагать тебе помощь...

«Лицемер проклятый! – подумал Киран, свирепея. – Не знал он, гадюка болотная...»

– Что это за повелитель, – процедил он, – если его гости подвергаются опасности прямо у него дома?

Учай закатил глаза.

– Ты полагаешь, это так просто? Оберегать тебя, владыка, и поддерживать союз с дривами – все равно что карабкаться на ель без порток и надеяться не ободрать седалище! Ладно те, кто лезет тебе мстить по своему почину. Ты их убил – это твое право. А вот явится за твоей головой, к примеру, воевода Илень – и что мне делать?

Киран молчал, полыхая от ярости.

«Только бы пережить зиму», – подумал он.

– Твое войско будет готово к весне?

Учай неопределенно кивнул.

– Так будет или нет? Я не могу прятаться здесь вечно!

Повелитель ингри, будто и не слушая жалобы ария, смотрел вдаль рассеянным взглядом. Вдруг он встрепенулся, подхватил Кирана под руку и повлек за собой в сторону дерев-

ни. Свита Кирана после мгновения замешательства толпой последовала за вождями.

– Ты и не будешь прятаться, – доверительно сообщил Учай, придвигаясь к собеседнику. – Ты будешь нападать!

– Нападать? На Аратту?! – Киран расхохотался от неожиданности. – О да – мы, несомненно, захватим столицу сразу, как сойдет снег! Учай, ты, верно, полагаешь, что Аратта – это нечто вроде твоей Ладвы, только малость побольше? Даже если ты соберешь вдесятеро больше людей...

– Я не собираюсь нападать на столицу, – ответил Учай. – Я что, похож на самоубийцу? Я много думал, ясноликий, как употребить твое домашнее войско к нашей общей пользе, и вот что пришло мне на ум...

– Прошу, поделись *нашим* замыслом относительно моего войска, – не удержавшись, съязвил Киран.

– А вот послушай, – как ни в чем не бывало продолжал Учай. – Ты привел около сотни неплохих бойцов. И насколько мне известно, прихватил изрядную часть казны...

– Казна? Скажешь тоже! – напрягся вельможа. – Я несчастный изгнанник...

– Этой казны, – не обращая внимания на его слова, продолжал Учай, – хватит, чтобы к весне набрать в твое войско всех, кому по нраву вольная жизнь. А такого отчаянного народу – твоими стараниями – сейчас шатается по окраинам Аратты предостаточно. Принимай всех. Пусть знают – у тебя можно все! Грабить, жечь, убивать...

– Гм. Предлагаешь мне стать разбойником?

– Сперва ты будешь платить им, – продолжал Учай. – А потом они сами начнут брать добычу. Наверняка ты лучше меня знаешь, какие земли Арьялы самые богатые и беззащитные...

– Ну и чего мы добьемся тем, что зальем кровью окраины Аратты?

– Как чего? Ты будешь сеять ужас и разрушения – а расплачиваться за них придется Аюру. Именно его – нового государя – станут укорять, что он не способен навести в стране порядок! Когда повсюду будут тлеть разоренные деревни и города, когда волки обожрут человечиной, тут-то людишки и вспомнят прежнее царствование. Тут-то и скажут: при Ардване такого не было...

– Занятно придумал, не то слово!

– Благодарю. И заметь, Джериш мне ничего такого не рассказывал. Вместе мы уничтожим врагов и достигнем подлинного величия!

Учай обнял ария за плечи:

– И кстати – совсем забыл про Станимира!

– Станимир? Начальник вендской стражи? Изменник и убийца?

– А также военный вождь лютвягов и законный наследник земель дринов. Да, он самый. Станимир будет нашим союзником в войне против Аюра.

Киран на миг замер, не веря ушам.

– Он сам это предложил?!

– Нет. Это предложил я.

«Но почему ты не спросил меня?» – чуть не выпалил Киран, но прикусил язык. Ответ тут не требовался.

– И ты тоже подумай, ясноликий. – Учай отпустил плечи Кирана, давая понять, что разговор окончен. – Что ты предложишь Станимиру от имени Солнечного Престола?

* * *

Когда Учай вернулся в свою избу – вернее сказать, избу старосты, лучшую в Ладвье, – там его ждал не только накрытый старостихой обед, но и побратим Хельми. Младший из детей Грома сидел на лавке, баюкая в руках гусли. При виде старшака он вскочил на ноги:

– Братец, меня прислал вещий Зарни...

– Садись поешь со мной, – махнул ему рукой Учай, стаскивая кожу.

– Премудрый Зарни сказал, дело не терпит отлагательства...

– Ох уж этот Зарни, – проворчал Учай, садясь за стол. – Ему, конечно, лучше знать, что там терпит, а что не терпит. Не много ли он на себя берет? Ладно, тогда я буду есть, а ты рассказывай. Или, может, споешь, словно скоморох бродячий?

– Я так и собирался, – с улыбкой ответил Хельми. – Обе-

дай, братец, а я начну...

Юный певец положил пальцы на струны, прикрыл глаза. Насмешку он будто не заметил. А может, и в самом деле не заметил, подумалось Учаю. Хельми всегда был малость блаженным. Пошлешь на разведку, а он возвращается и давай расписывать, какие на торгу на горшках красивые узоры. Ну а с тех пор как гусяр Зарни забрал мальчишку к себе в ученики, похвалив его девчоночий голосок, Хельми вовсе стал для старшего брата бесполезен. Из пяти побратимов, что прошли вместе с Учаем путь от изгнанников с Вержи до братьев бога, в живых осталось всего трое. А может, и двое. Кежа погиб в битве за Мравец. Ошкой пал в поединке с чудовищем из-за Кромки – по крайней мере, так рассказывали уцелевшие защитники острога. А вот куда пропал Марас, Учаю и самому очень хотелось бы знать...

– Поведай, с чем тебя послал Зарни! – приказал Учай, отпивая горячей медовухи.

– Учитель велел мне переложить для тебя на язык ингри песню, которую сейчас поют повсюду в землях дринов. Песня совсем новая...

– Песня? Я ждал новостей о посольстве Мараса.

– Там есть и про наше посольство. И про Станимира, и про царевну, и про оборотней...

– Каких еще оборотней?

– Дозволь, спою?

– Ладно, пой!

Пальцы Хельми забегали по струнам, исполняя длинный красивый наигрыш с тревожными нотками. Так учил его Зарни – прежде всего надо подготовить слушателей, настроить на нужный лад.

– Было дело в земле лютвяжской,
В славном граде Станимировом...

Хрустальный голосок Хельми звенел под потемневшими стропилами, струны подпевали. Учай рассеянно слушал, отхлебывая медовуху. Вскоре, однако, он забыл и про нее, и про густую похлебку с мясом, хотя пришел с поля очень голодным. Когда Хельми перестал играть, поднял веки и замолчал, Учай сидел прямо, стиснув кулаки, впившись в певца взглядом.

– Вот так новости, – прошептал он. – Это все?

– Нет еще, – переводя дух, ответил Хельми. – Дальше – плач Станимира по погибшим собратьям и песнь о том, как он ходил мстить. Но поскольку он вернулся ни с чем, там не будет красивого окончания... Кстати, учитель Зарни велел тебе передать: князю лютвягов эта песня не понравилась. Настолько, что он запретил ее исполнять в землях лютвягов. Кого поймают, тому пальцы рубят, язык режут...

– Ну да, ну да, – пробормотал Учай. – Лучший способ добиться, чтобы песню пели в каждой веси, – запретить ее.

– Премудрый Зарни так и сказал, – кивнул Хельми.

– Иди сюда, отобедай.

Хельми, не заставляя себя упрашивать, положил гусли на лавку и накиннулся на еду. Учай сидел напротив, стуча пальцами по столешнице. Любопытно, кто из врагов Станимира приказал сложить песнь? Кому выгоднее, чтобы вести о неудаче владыки лютвягов разнеслись по всем вендским землям так далеко и так быстро?

Так вот что все это время творилось у Станимира... Кое-что Учай и так знал от своих лазутчиков в столице лютвягов – например, о подмене царевны. Но похищение Аюны накхами было новостью.

«Но все же почему так задержалось посольство? Куда пропал Марас с подменной девкой? Когда придут, надо будет решать, как с ней обойтись. Не объявить ли самозванкой ту, что у накхов? А Киран подтвердит, что наша Аюна – настоящая... Скорее бы вернулся Марас!»

Чем дальше, тем больше повелитель Ингри-маа ценил этого побратима. Вечка – правая рука и помощник, ловкий, умный, полезный. Хельми – славный певец... Но Марас – нечто большее. На нем – особая милость Богини. Как он мог исчезнуть? Конечно, он вернется!

– Что там за чепуха про чудовище с ножами-зубами? – хмыкнул Учай.

– Не знаю, так дривы поют. «Вышло из лесу да чудовище косматое...»

– Слышал, слышал! Ладно...

Учай знал: слухи распространяются мгновенно, обрстая самыми дикими и нелепыми подробностями. Суть песни – царевна исчезла. У Станимира ее больше нет.

Где ж она теперь? У накхов – или у тех, кто сложил песню? А кто ее сложил? Бурмиличи? Вряд ли. Медвежьим детям Аюна не нужна – разве что принести ее в жертву. Накхи сейчас достаточно сильны и без царевны арьев – зато она за просто посещет среди их князей раздор, как это уже началось среди сторонников Станимира...

«И то, что Станимир этак опозорился, сыграет мне на руку – проще будет с ним договариваться... Вот только где же Марас?»

За дверью послышались шаги и голоса. Внутрь заглянул староста Вилюг:

– Повелитель, дозвожь побеспокоить! Тут к тебе от премудрого Зарни...

– Опять от Зарни? Ну пусть войдут!

В избу крадучись вошел ученый раб-летописец Варак. Не поднимая глаз на Учая, низко поклонился:

– Повелитель, батюшка, Зарни прислал меня, недостойного раба, с новостями. Он велел передать, что нынче к его дому на озере вышли пречудесные странники...

Летописец отступил на шаг, пропуская людей в избу. Первый гость вошел, поклонился Учаяу и, сверкая улыбкой, стащил с головы тканую шапочку. Огненные косы разбежались по плечам.

Учай аж с лавки привстал.

– Кирья, ты?!

Глава 4. Старые раны

– Ширам, замри! – шепнула Янди, резко останавливаясь.

Бронзовые псы, охраняющие вход в покои святейшего Тулума, повернули головы в сторону входящих одним и тем же наводящим жуть плавным движением. Слабое гудение, наполнившее пространство, заставило Ширама окаменеть. Он кое-что слышал о храмовых чудесах. Некоторые из них могли устрашить даже бывалого воина. Всякий готов со славой погибнуть в бою, но мало кто пожелал бы сгореть, корчась в каменном колодце, облепленный огненной смолой, которая не погаснет, пока не прожжет насквозь плоть и кости...

– Маханвир Ширам! Саари Яндха!

Гудение смолкло. Оба бронзовых пса опустили морды и замерли. Двери внутренних храмовых покоев распахнулись, и навстречу гостям вышел Тулум.

– Входите, – приветливо кивнул он. – Рад, что вы немедленно откликнулись на мое приглашение...

Знатные накхи вошли в тайные покои верховного жреца.

– Ты кого-то ищешь, маханвир? – спросил Тулум, жестом приглашая их пройти к широкому столу, заваленному свитками и уставленному причудливыми приборами.

– Признаюсь, надеялся встретить здесь Хасту, святейший, – сказал Ширам. – Давно не видел его...

– И не увидишь, думаю, еще долго. Хаста с моим поруче-

нием отбыл на север, в Бьярму. Ему поручено важное и деликатное дело в Северном храме. Учитывая наши непростые отношения со Светочем Исвархи, пожалуй, только Хаста и способен его уладить...

Ширам кивнул, не выдавая разочарования. Стоящая на полшага позади него Янди глазела по сторонам, рассматривая тайное убежище верховного жреца. Поистине мало кто из людей Аратты побывал здесь, и еще меньше отсюда вышло...

Тулум жестом предложил им занять места в креслах и сам уселся за стол, внимательно глядя на вошедших. Бывшего саарсана накхов он знал едва ли не с его детских лет и вполне представлял себе, чего от него ожидать. Правда, когда стало известно, что Ширам возвращается во дворец, Тулум сомневался: будет ли толк от низложенного и искалеченного владыки накхов? Дружеские чувства Аюра понятны – но пригодится ли Аратте тот, кого лишили власти и имени, руки, отрубленной на священном камне, и объявили «мертвым саарсаном»? Однако, вопреки ожиданиям, пережитое не сломало Ширама. Он стал еще более молчаливым и замкнутым, чем прежде, но без колебаний выразил желание служить Солнечному Престолу и уже не раз проявил себя в деле. Отрубленная рука, кажется, ничем не мешала ему. Кроме того, с Ширамом прибыл немалый отряд накхов – все они прежде служили в Полуночной страже и вернулись в ее ряды, словно и не покидали их. А еще – Аюна, их будущий ребенок...

А вот «саари Яндха» пока оставалась для Тулума загадкой. Ширам привез эту женщину с собой из Накхарана. С недавних пор она повсюду его сопровождала. Он называл ее своей сестрой. Молодая, светлокожая, с жестким взглядом, одетая и вооруженная как жезлоносец Полуночи, с черно-белыми лентами Афайя в длинной русой косе, она возникла словно из ниоткуда. Хоть она и не появлялась во дворце без черной боевой раскраски на лице, Тулум отлично видел, что никакая она не накхини.

– Что скажешь, Ширам, об итогах государева малого совета? – без каких-то предисловий спросил верховный жрец. – Не правда ли, они были неожиданными? Особенно то, что ты сказал о зимнем походе в земли ингри...

Ширам сжал губы. Его «сестра», напротив, широко улыбнулась.

– Святейший, если желаешь, я повторю свои слова еще раз, – сказал накх. – Изучив все сведения, что принесла разведка, я пришел к выводу – поход в Затуманный край не нужен. Он принесет лишь вред. Дривы не воюют зимой. Они попрятались по своим лесным норам, и мы не найдем их. Все, что мы можем сейчас вернуть, – это развалины сгоревшего Мравца. Что касается ингри, наши соглядатаи все как один сообщают, что эти дикари и подавно не готовы к войне. Их якобы огромное войско – всего лишь скверно вооруженная толпа, неопытная, ничего не знающая о войне. Возможно, Учай смог бы что-то сделать из них к весне. Но до весны

еще очень далеко...

Тулум слушал и кивал, словно все приводимые Ширавом доводы не имели значения. Янди внимательно следила за верховным жрецом. То, что говорил Ширав, она и так знала – это было верно, предсказуемо, а потому неинтересно. Куда больше ей хотелось узнать, зачем их призвал Тулум.

– Так ты полагаешь, Ширав, что этот дикарь Учай не стоит внимания? – рассеянно спросил Тулум.

– Я все сказал на совете. Он опасен. Я отлично его помню. Учай умеет повести за собой людей, он умен и хитер. Но его войско... Ингри живут родовыми общинами в раскиданных по лесам селениях. При первом же ударе они разбегутся по своим землянкам, растекутся, как вода сквозь пальцы... Надо готовиться к тому, что будет весной.

– Боюсь, весной нам всем будет не до войны, – хмуро заметил Тулум, глядя куда-то сквозь собеседников.

Ширав взглянул на него с недоумением:

– О чем ты?

– А может, и вовсе не будет никакой весны...

– Я тебя не понимаю, святейший!

Тулум вздохнул:

– Именно для этого я вас сюда и пригласил... Послушай, саарсан...

– Не зови меня так.

– Извини, Ширав, – печально усмехнулся Тулум. – Никак не привыкну. Ты – муж моей племянницы, а значит, мой

родич, член семьи. Я буду говорить откровенно, а если ты услышишь странные вещи, не стесняйся переспрашивать.

Гости выжидающе уставились на Тулума. Внешне ничего общего – смуглый накх и маленькая русоволосая девушка, похожая на вендку. Но верховному жрецу стало не по себе от одинаковых взглядов немигающих зеленых глаз. Некогда он уже знал одного жуткого накха с точно такими же глазами... «А может, они и в самом деле брат и сестра?» – впервые подумал он.

– Я позвал вас, чтобы сообщить волю государя, а затем добавлю кое-что от себя. Войны не будет – однако ты все же отправишься в Мравец, – негромко заговорил жрец. – Так решил государь Аюр. Возьми с собой достаточно большой отряд, чтобы устроить лесных жителей. Возьми своих накхов или кого считаешь нужным сам...

– Но воевать...

– ...ты не будешь, да это и не нужно. Задача твоего похода будет совсем иная. До меня дошли очень тревожные слухи об одном человеке. Опасном для Аратты человеке... Некогда он сбежал из столицы и много лет скитался по окраинам. И вот мне вдруг сообщают, что тот человек объявился возле Учая... Более того – что он и есть настоящий вдохновитель его завоеваний!

– Если ты о том, чтобы отыскать и притащить сюда изменника Кирана, святейший, – промурлыкала Янди, – с этим не будет никаких хлопот. Мы похитим его и притащим к тебе –

живого или мертвого, как сам пожелаешь.

Ширам бросил на сводную сестру быстрый взгляд. Хотя порой Янди внушала ему нечто вроде ужаса, он привык к ней. Более того – она понемногу становилась ему необходимой. Она была умной, коварной и поистине смертоносной в битве. Ближе узнавая Янди, Ширам не мог не признаться себе, что Янди – один из лучших воинов, кого он встречал в жизни. Порой он ловил себя на том, что общается с ней так же, как в свое время с Маргой. Да и Янди быстро заняла при нем и в его войске то же место, которое прежде занимала Марга. Янди на удивление легко освоилась среди его воинов. Ее слушали, ее уважали. А если кто и узнал в ней неприметную служанку Аюны, тот держал язык за зубами... Конечно, в Накхаране никогда бы не приняли как равную какую-то светловолосую полукровку. Но Лазурный дворец был далеко не Накхаран.

– Если государь желает выкрасть изменника Кирана, то лучше моей сестры это никто не сделает, – подтвердил Ширам. – Яндха, дочь Гауранга, – прекрасный воин. Порой мне кажется, что в ней воплотилась сама Мать Найя. Мы считаем, что она рождается среди смертных...

– Ширам, оставь эти накхские выдумки, им не место в доме Исвархи! – замахал руками Тулум. – И Кирана тоже оставьте в покое. Государь же предельно ясно высказался на совете. Изменник сам себя загнал в ловушку. Пусть Кирана покарают его собственные злодеяния. Кроме того, я дал

ему небольшую возможность выпутаться и теперь хочу поглядеть, как он извернется... Я вовсе не о нем.

– А о ком, святейший? – спросила Янди.

– Сейчас объясню. Так вот, Ширам, – Тулум повернулся к маханвиру, – ты приведешь малое войско в Мравец, и там вы зазимуете. Мои люди докладывали, что этот Учай сжег только крепость, а сам город остался невредим... Постарайся связаться с вождями дринов. Пригласи их на переговоры. Обещай им все, что посчитаешь нужным...

– Ясно. Ты предлагаешь мне тянуть канитель и отвлекать на себя внимание, – кивнул Ширам. – А в это время...

– А в это время славная саари Яндха и те, кого ты дашь ей в помощь, отыщут для нас одного человека, – продолжал верховный жрец. – Жизненно важно для всей Аратты, чтобы вы захватили его и привезли в столицу, прежде чем он натворит бед.

– Что же это за человек такой? – с любопытством спросила Янди.

– Скажем так... Он способен на вещи, недоступные обычным людям. Пусть он выглядит беспомощным калекой – поистине смертельно недооценивать его...

– Это чародей? – в лоб спросила жреца Янди.

– Его можно так назвать, – уклончиво сказал Тулум.

Накхи переглянулись.

– Ехать в земли ингри ловить чародея. – Янди вновь улыбнулась. – Смертельно опасного чародея! Братец, вот это мне

по душе!

* * *

Зарни поднял лицо к небу, с удовольствием подставил чуть теплым лучам солнца.

– Ну, рассказывай.

Варак поспешно шагнул вперед и почтительно поклонился, хоть гусяр его и не видел, и даже голова слепца была повернута в другую сторону. Плот слегка покачнулся под ногами раба. Хотя земли ингри уже укрыл снег и болота покрылись коркой льда, озеро Встающей Воды и не думало замерзнуть. Где-то в его недрах изредка пробуждался кипун. Он бил в небо, повергая народ в священный трепет. Берега озера затягивало паром, а на поверхность всплывали серебристые тушки мертвых рыбин. Из-за источника священное озеро стояло безо льда всю зиму. Какой еще человек, кроме Зарни, осмелился бы поселиться в таком месте?

Причем устроился даже не рядом с сердитым озером, а прямо на нем. Два больших плота стояли у берега, привязанные к склонившимся над водой березам. На одном плоту высилась теплая палатка из бугристой шкуры неведомого зверя. На другом Зарни любил проводить время, размышляя, наигрывая на гусях или занимаясь вовсе неведомо чем. Как, например, сейчас.

Варак опасливо косился на хозяина. Тот сидел, выпрямив

спину и положив ладони на бедра, на самом краю плота. Белые глаза неподвижно глядели прямо на солнце. Кажется, чуть пошевелились слепой – и свалится в воду. Варак, однако, знал, что и без глаз Зарни видит получше многих, да и студеная вода его вовсе не пугает. Ожидающая поблизости на берегу дривская девка с полотенцем в руках – тому свидетельство. А Зарни будто и в самом деле пригрелся на солнышке! Даже шубу расстегнул, словно ему жарко...

– Как ты велел, я остался и слушал, господин, – негромко заговорил бывший дворцовый раб. – Повелитель Учай вовсе не замечал меня, пока я к нему не обратился, потом уж выгнал...

– Хорошо, – промурлыкал Зарни. – И что же сказал Учай, когда увидел девочку?

– Мне показалось, он растерялся, господин. И не был так уж рад встрече... Мне думается, он не знает, что с ней делать...

– Тебе думается или он сказал?

– Нет-нет, прости, господин, – забормотал Варак, съезжаясь. – Повелитель Учай так и сказал: дескать, ну и куда тебя девать, рыжая? Жены, чтобы приглядывать за девчонкой, у меня больше нет... Замуж выдать – еще мала, да и не за кого...

– Так и сказал? – захихикал Зарни. – Значит, уже прикидывает за кого и скоро ведь найдет. Ты сказал ему, что я тебе велел?

– Сказал, господин. Если будет на то воля повелителя, вещи Зарни пока научит девочку играть на гусях.

– А что Учай?

– Посмеялся. Дескать, не девичье дело на гусях играть...

И про тебя, господин, изволил сказать всякого...

– Что я сдурел?

– Ну-у... Не совсем такими словами...

Слабое тепло зимнего солнца еле ощутимыми ручейками растекалось по коже. Зарни неспешно стянул кожух, положил рядом на настил плота, оставшись в одной рубашке. Варак поглядел на него, вчуже поежился от холода. Вспомнил, как они так же сидели на плоту – Зарни говорил, он записывал, – когда на той стороне озера показались чужаки. Два свирепых косматых дрива, по виду сушие разбойники; тощий, еле живой с виду молодой бьяр; мальчишка-ингри и девочка с огненной копной волос. Ох как перекорежило Зарни при одном звуке ее голоса! На миг Вараку показалось, что слепой гусяр вот-вот потеряет сознание...

– Так, а что мальчишка? Этот, как его... Мазай? Кирья к нему очень привязана, не так ли?

– Это правда, господин. Они как брат с сестрой. Вроде вместе росли...

Варак поколебался, добавил:

– Мальчишка очень испугался, когда увидел повелителя.

Аж прочь из избы шарахнулся.

– Любопытно...

– Но повелитель ему ничего плохого не сделал. Наоборот, улыбнулся этак по-доброму... Спросил, как здоровье деда...

– Деда?

– Да, я тут поспрашивал: его дед Вергиз считался у ингри чародеем. Волчьим пастырем его прозвали.

– Откуда такое прозвище?

– Прости, еще не знаю, господин...

– Так узнай! – строго сказал Зарни, стягивая рубашку.

И снова застыл, словно изваяние, подставляя голый торс морозу и бледному зимнему солнцу. На шее сверкнуло солнечное колесо, вызывавшее неизменное любопытство Варака. В Аратте тоже носили знак Солнца – гладкий золотой круг на цепи. А у Зарни лучи загибались посолонь, словно Господь Солнце бежал по небу, подобно восьминогому скакуну или катящемуся колесу...

Варак мельком оглядел могучие плечи слепца и мысленно ядовито усмехнулся: «Учай-то, похоже, считает моего господина выживающим из ума старцем – а гусяру ох как далеко до старости! И вовсе не годы выбелили его огненные косы...»

– А что там дривы, с которыми пришла Кирья? – спросил Зарни, разминая руки.

– Эти сразу нашли в Ладье сородичей. Старшего, Варлыгу, повелитель уговаривал остаться. На службу к себе звал. Тот сказал, что подумает, но сперва хочет поискать своих – может, кто выжил...

– Я вроде слышал об этом Варлыге...

– Да он знатный разбойник! Ну, то есть по-здешнему герой-избавитель, борец с проклятыми арьяльскими захватчиками, – ухмыльнулся Варак. – В те времена, когда Киран тут был наместником, того дрива Варлыгой прозвали. Говорят, он успел даже в столице в вендской страже послужить. Оттуда его сослали на Великий Ров, потом, видно, сбежал. Через Змеиный Язык с товарищем прошли, зимой – неслыханное дело! Тут на торгу болтали, будто сперва-то беглецов побольше было, а дошли всего двое – ох, неспроста...

Зарни зевнул:

– Все, ступай.

Гусяр оперся на руки и почти без всплеска соскользнул с края плота в воду. Варак проводил его неодобрительным взглядом, собрал одежду с настила и понес в палатку – греть над жаровней. Он уже не первый раз присутствовал при купании Зарни и всякий раз изумлялся, зачем тому нужно так себя мучить. Сам Варак все время кутался и мерз и опасался не пережить здешней суровой зимы.

* * *

Зарни дважды переплыл озеро и теперь медленными гребками возвращался к плоту. Изредка из глубин, лаская кожу, пробивались к поверхности горячие струи и тут же растворялись в студеной зимней воде. Хоть озеро и не покрывалось

на зиму льдом, теплым его никто бы не назвал. Вода обжигала кожу, но Зарни это даже нравилось. Он мог бы плавать так еще долго, наслаждаясь своей выносливостью и свободой движения. Пожалуй, даже в прежние, куда лучшие времена гусяр не был таким сильным. Руки-то уж точно стали как у кузнеца – раньше было просто незачем. Зарни любил плавать, любил лес и воду. Они дарили ему множество звуков, запахов и ощущений и позволяли ненадолго забывать о своей ущербности.

Подплывая к плоту, он вытянул руку, безошибочно нашарил край бревна, подтянулся, выбрался из воды. Плечи и голову тут же окутало полотенце, женские руки принялись бережно вытирать длинные волосы. Местные бабы наперебой стремились услужить знаменитому гусяру, который вдобавок пользовался славой колдуна. Только успевай выгонять, не то поселились бы прямо в палатке! Уж чего Зарни не ожидал, так этого. В давние времена, когда он был красавцем, от женщин отбоя не было. Потом с горечью думал, что женщины будут относиться к нему, безногому слепцу, с отвращением. А вышло все наоборот. К прежнему восхищению добавилось почитание и преклонение, будто перед святыней. По всей Аратте ходили легенды о боговдохновенных певцах, которые пожертвовали частью себя за великий дар. Кто глаз отдал, кто оба, кто и жизнь – да ладно, если свою... Никто даже не сомневался, что страшное увечье гусяра было священной жертвой богам.

Зарни порой думал, что Тулум и это предусмотрел.

Насухо вытертая кожа, обдуваемая холодным ветерком, так и горела. Но Зарни, как всегда, наслаждался ощущением безупречной чистоты, которое дарило ему купание. Он до болезненности любил это ощущение. Как он сам сильно подозревал, оно появилось после зловонных подвалов государственной тюрьмы...

* * *

Жителям столицы сияющий Лазурный дворец кажется небесным градом, плывущим над пестрыми городскими крышами. Золоченый купол главного храма Исвархи в ясные дни слепит глаза, будто само солнце. Никто даже и не подозревает, как скверно пахнет в его темных подвалах глубоко под землей. Особенно в некоторых...

Зарни давно потерял счет дням. Все они были одинаковы – погружены во тьму и наполнены болью. Боль не проходила очень долго. Если бы ему просто выкололи глаза острым раскаленным прутом, как другим заговорщикам, раны давно уже зажили бы. Но жуткое зелье, которое влили ему в глазницы, разъело все, оставив незаживающие нарывы. Раны подсыхали и снова лопались, по лицу днем и ночью сочилась сукровица. Все, о чем поначалу мечтал Зарни, – поскорее умереть, лишь бы прекратилась боль. Но палачи, вовсе не заботясь о том, чтобы облегчить мучения осужденного,

внимательно следили, чтобы раны не загноились. И вот понемногу муки начали отступать. Вчера Зарни наконец смог проспаться целую ночь, не просыпаясь ни от боли, ни от кошмаров...

А следующим утром – или вечером, он уже не знал – его снова притащили в тот подвал. Зарни издалека учуял знакомый запах – благовония, которыми пытались перебить вонь крови и испражнений, – и едва не лишился разума от ужаса.

– Проходите сюда, святейший! Вот он, злыдень!

– Ну и запахок тут у вас, – брезгливо произнес вошедший.

Это был голос святейшего Тулума. В последний раз Зарни слышал этот голос как раз перед тем, как жгучая отравка полилась ему в глазницу.

– Уж простите, святейший, – раздался голос одного из палачей, – каждый день наводим чистоту, а все никак не избавиться! Видно, такое место...

– Мне надо осмотреть раны.

Зарни потащили, подняли на стол. Холодное железо сомкнулось на запястьях и щиколотках. Послышались шаги, шелест длиннополого одеяния. Слепец ощутил тепло на щеке, – видимо, к лицу поднесли факел. Он смог различить мутное пятно света, – стало быть, глаза умерли не совсем. Но какое это имело значение? Зарни знал: после того, что с ним сделали, былое зрение никогда к нему не вернется.

– Отлично, отлично! – Прохладные пальцы коснулись его щеки, поворачивая лицо. – Все чисто, гноя нет... Сукровица

больше не сочится? Как ты себя чувствуешь, Зарни Зьен?

Гусляр не ответил. Однако Тулума это не смутило.

– А ты знаешь, что перестал моргать? – спросил он с любопытством. – Как интересно! Человек, видишь ли, не осознает, что моргает. Полагаю, мозг по привычке пытался смачивать глаза слезами, хотя слезные железы были полностью выжжены... Но этак наверняка было только хуже – одна раненая поверхность терлась о другую... Моргание причиняло тебе большие страдания?

Зарни стиснул зубы и опять промолчал.

– Несомненно причиняло! Но твой мозг наконец понял, что слез нет. Способность человеческого тела привыкать ко всему поразительна! Хочешь знать, как сейчас выглядишь? Совершенно белые глаза. Ни зрачка, ни радужки... Жутковатое зрелище, прямо скажем...

Тулум говорил ровным, даже доброжелательным голосом – ни дать ни взять многоопытный лекарь, вызванный к больному. Ни малейшего злорадства Зарни не слышал – разве что удовлетворение от хорошо проделанной работы. Мягкий тон ученого жреца пробуждал в гусляре жгучую ярость. Показывать которую отнюдь не следовало.

– Как он себя ведет? Не буянит?

– Нет, господин, тихо сидит, – ответил один из тюремщиков. – Все прислушивается к чему-то... Дергается от каждого шороха...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.